

Юлия Набокова

Лезенда Лукоморья

Юлия Набокова
Легенда Лукоморья
Серия «Волшебница-самозванка», книга 3

<http://www.litres.ru>
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182777
Набокова Ю. В. Легенда Лукоморья: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»; М.; 2009
ISBN 978-5-9922-0396-7

Аннотация

Все мечтают попасть в сказку. Однако вряд ли кто обрадуется, когда в сказке ему предложат роль Бабы-яги. Но решение магистров не обсуждается. Скажут быть Бабой-ягой – придется рядиться старой, страшной, злобной старухой, пройти курс экстремального вождения ступы и прокатиться с ветерком по Лукоморью. А заодно подружиться с Лешим и Водяным, уважить богатыря Илью, раскрыть семейные тайны Кощея, провести ревизию богатств Змея Горыныча, дать отпор Соловью-разбойнику и найти пропавшую Василису Премудрую, которая, оказывается, не кто иная, как... Ни за что не догадаетесь!

Содержание

ПРОЛОГ	4
Часть первая	7
Часть вторая	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Юлия Набокова

Легенда Лукоморья

ПРОЛОГ

Баба-яга оказалась страшной, злобной и негостеприимной старухой. Накормила его подгоревшими пирогами, напоила водянистым квасом – полнейшая гадость! Попарить его в баньке так и вовсе отказалась, старая ведьма! В кои-то веки заехал в ее края настоящий царевич – с виду пригожий, сердцем добрый, удалюю не обделенный. Нет чтобы расстараться для дорогого гостя, подарков волшебных надарить, судьбу славную предсказать. А старуха знай только горелые пирожки с крапивой подкладывает да намекает, что темнеет за окном да устала она за день. Он тоже – и так и этак, мол, холодно в лесу, притомился путешествовать, пусти, бабушка, на ночлег. А старуха знай его к сениям подталкивает, мол, пора бы уже и честь знать, добрый молодец!

Иван-царевич и сам не понял, как во дворе очутился. Только ступеньки из-под его ног исчезли, а сапожки красные сафьяновые в пыль провалились. Бабкина избушка все ставенки разом захлопнула и повернулась к нему, царевичу, задом. К нему, к царевичу! Совсем распоясалась бабка.

– Да, времена нынче не те, как когда мой дед к Яге хаживал, – вздохнул царевич и разочарованно добавил. – И Яга, видать, совсем не та...

А может быть, и солгал дед ради красного словца. Ведь Соловей-разбойник и Серый волк тоже оказались не похожими на героев дедовских рассказов. Вот только Змей Горыныч – тот не разочаровал. Злодей, каких редко встретишь.

Горько вздыхая о своем, молодецком, царевич подозвал коня и ускакал восвояси.

Баба-яга, наблюдавшая за ним сквозь щелку в ставнях, рассеянно погладила черного кота.

– Довольна твоя душенька? – Кот сощурил искрящиеся зеленые глаза. – Твою доброту царевич вовек не забудет. Это надо же – пирожки с крапивой! Квас, болотной водой разбавленный. Хорошо хоть поганки не додумалась к столу подать.

– Как дураком был, когда ко мне сватался, так дураком и остался, – буркнула Баба-яга.

– Не пойму, за что ты на него гневаешься, – заметил кот. – Ты ведь сама ему отказала.

– Отказала... – эхом отозвалась Баба-яга, задумавшись о своем.

– Потому что душой была, – ехидно вставил кот.

– Между прочим, меня все Премудрой величали! – вскинулась Баба-яга.

– Подлизывались, – хмыкнул кот. – Кто тебе еще правду кроме меня скажет?

– Знаешь, Варфоломей, иногда лучше мурлыкать, чем говорить, – сердито отозвалась Яга, плотно запирая ставни и отходя от окна.

Кот не сводил с хозяйки глаз – начиналось самое любопытное ежевечернее волшебство.

Вот старушка переместилась к бочке с водой и, наклонившись над ней, принялась колдовать. Выпростила руку из грязных лохмотьев и, подцепив кожу у запястья, словно варежку, стащила с ладони морщинистую рябую кожу, похожую на отрубленную куриную лапу – с узловатыми пальцами и крючковатыми желтыми когтями. Полюбовалась белой узкой ладонью с короткими розовыми ноготками и завернула жуткие кожаные варежки в серую тряпицу, припрятав ее в сундук с травами. Затем вернулась к бочке и продолжила ворожить: потянула за желтый выпирающий клык и сплюнула его в ладонь. Стоило клыку покинуть свое место, как чудесным образом изменились и крупные, неровные зубы – стали умень-

шаться на глазах. Любой лукоморец испытал бы шок при виде произошедших метаморфоз: квадратные щеки Бабы-яги округлились, высокие скулы придали ее морщинистому лицу миловидность, серые губы растянулись, обнажив белые, словно жемчуг, зубы. Аккуратно уложив клык в березовый туесок и поставив его на полку среди заготовок с вареньями и соленьями, бабулька вернулась к ведру и поскребла подбородок, густо усеянный седыми щетинками. И – вот диво! – на кончиках пальцев, ставших липкими, встопорщились волоски, а подбородок старушки словно макнули в сок молодильных яблок: кожа сделалась гладкой и белой, так что теперь он светлым пятнышком выделялся на потемневшем от старости лице.

На этом Баба-яга не остановилась. Она потеряла жесткие и кустистые седые брови и содрала их со лба, обнажив тонкие дуги светлых бровей. Затем осторожно надавила пальцем на зрачок, обмакнула его в кружку с налитой водицей и повторила те же действия со вторым глазом. Большой черный кот с недовольством покосился на хозяйку и стукнул хвостом по лавке, выражая свое неодобрение. Разве положено Бабе-яге иметь такие молодые сияющие васильковые глаза? Прежние, желтые, с хищным блеском, были куда предпочтительней! Накрыв кружку крышечкой и прибрал ее на полку, Яга вернулась к бочке, зачерпнула горсть воды, стерла с щек борозды морщин и неровности, помолодев на добрую сотню лет.

Развязала платок, обнажив всклокоченную шевелюру. Провела ногтем у края волос и сняла похожий на паклю парик, затем выпустила наружу толстую пшенично-русую косу, доставшую до пояса, и расхохоталась:

– Кажется, все! Или нет?

Баба-яга, обернувшись красной девицей, придирчиво склонилась над бочкой и недовольно пробурчала:

– Вот ведь липучая, мерзость! – Она надавила ногтем на серую бородавку на носу и скосырнула ее, обнажив чистую розовую кожу. – Теперь все!

С поверхности воды на нее смотрела хорошенькая ясноглазая девушка лет двадцати. Красавица, разве что немного бледная.

– Вот вам и Баба-яга! – Девушка показала язык своему изображению и поспешила закончить метаморфозу: сбросила ворох серых лохмотьев, оставшись в чистой белой сорочке и лаптях.

Затем подскочила к сундуку с большим навесным замком и загремела ключом. Кот отвел глаза – ох что сейчас будет! Хозяйка склонилась над сундуком и ахнула:

– Мой сарафан!

Варфоломей удовлетворенно сощурился. Пусть ему сейчас достанется, и хозяйка рассердится, но лучше стерпеть ее немилость, чем остаться одному-одинешеньку в дремучем лесу.

Однако девушка гневаться не стала, а продолжила перебирать тряпье в сундуке, бормоча себе под нос:

– Это мне не пригодится... А вот это – в самый раз! Это нет... А вот это беру! Лучше не придумаешь!

Наконец она окликнула кота:

– Варфоломеюшка, я собралась!

Кот открыл глаза и потрясенно вякнул.

Перед ним стояло огородное пугало, отдаленно напоминающее деревенского дурачка Антипку, частенько захаживавшего в избу Бабы-яги. Рубаха навывпуск, широкие штаны, на голове – воронье гнездо, только глаза на удивление ясные и разумные.

– Ну и чучело ты! – не выдержал кот. – Ягой и то краше была.

– Наконец-то голос подал, – обрадовалась девушка. – А то я уж думала, до моего ухода словечком не обмолвишься.

– Ты же знаешь, я этого не одобряю, – мяукнул кот. – А вдруг случится что?

– Да что со мной случиться-то может? – отмахнулась девушка. – Одним глазком на родителей да сестер во время ярмарки взгляну и обратно вернусь. Ведь знаешь, как по ним истосковалась, сердешным.

– А вдруг признают? – нахмурился кот.

– В таком виде? – Девушка расхохоталась. – Да я еще щеки сажей измажу – вовек родная матушка не признает.

– А голос, Василиса? – не сдавался кот.

– Ни словечка не произнесу, – поклялась девушка. – Я решила немного дурачка изображать. Ведь у меня получится?

– Дурачка-то? Вполне! – ехидно отозвался Варфоломей.

– Ну Варфоломеюшка, – она остановилась в сенях, – давай прощаться.

– На ночь глядя, – проворчал кот. – Дождалась зари хотя бы.

– Ты же знаешь, с самой зорьки посетителей полна избушка, – возразила она, – да и вдруг заметит кто? Нет, надо сейчас идти. Поздней ночью никто в избушку Бабы-яги не отважится сунуться, и я незаметно до дороги доберусь.

– Ночь-полночь, – неодобрительно буркнул кот. – Вдруг обидит кто?

– Да кому дурачок немой помешает? – засмеялась Василиса. – Да и Баба-яга себя в обиду не даст, ты не думай!

Проводив хозяйку до крыльца, Варфоломей еще долго смотрел ей вслед, пока мешковатый силуэт не исчез между сосенок. Он сделал все возможное, чтобы удержать Василису в избушке: стращал, умолял, валялся в ногах, обижался и перестал с ней разговаривать. До последнего мига он был уверен, что Василиса откажется от своей затеи. У него был солидный козырь: нарядный сарафан Василисы, в котором она сбежала из дома в избушку Бабы-яги, пришел в полную негодность после того, как кот хорошенько прошелся по нему острыми коготками. А другой пристойной одежды у хозяйки не было – не пойдет же она в город в той ветоши, которую носит Баба-яга. Но девушка нашла другой выход и теперь стремительно удалялась от избушки в неизвестность. Значит, не в его силах противиться судьбе. Значит, надо готовиться к появлению новой хозяйки...

Часть первая ТРЕБУЕТСЯ БАБА-ЯГА

Неделя на необитаемом острове, которую подарили нам с Ивом магистры, пролетела одним днем. Фантастические розовые закаты, черничные ночи, наполненные шепотом волн, оранжевые рассветы и то изумрудное, то лазурное море, обступившее кусочек суши и отрезавшее нас от всех других миров, коих, как я уже имела возможность неоднократно убедиться, существовало бескрайнее множество.

В первый же день, оказавшись на белом песчаном пляже, где никогда до нас не ступала нога Робинзона, я решила заняться обустройством территории. Мысленно листая туристические проспекты, наколдовала два пляжных грибка-зонтика, два пластиковых шезлонга с мягкими матрацами, ворсистые банные полотенца – все как в пятизвездочном отеле. Ив, все это время с восторгом плескавшийся в волнах, по возвращении на берег моих трудов не оценил и заявил, что я изуродовала сказочный пейзаж нелепыми лавками. Зато он с азартом ринулся строить шалаш из пальмовых ветвей, хотя я сомневаюсь, что ему известна пословица «С милым рай и в шалаше». Я тоже с ней не спорю. Но если милый может обеспечить и дворцом, то зачем нам шалаш?

Полдня я поджаривалась на солнышке, лежа в шезлонге и наблюдая, как растет крыша над хижинкой. Ив, увлекшись работой, и не замечал, что я на него дуюсь. А когда он позвал меня на «новоселье» и я ступила под тень шалаша... В общем, шезлонги мы потом отправили в плавание по волнам, полотенцами завесили вход от москитов. А один матрац я все-таки с боем отвоевала для ночлега. И корзинку с солнцезащитными средствами. И солнечные очки. И панамку с широкими полями. И хотя мне никогда не доводилось жить в пятизвездочном отеле на Мальдивах, уверена, там мне не могло бы быть лучше, чем в ветхом шалаше, построенном руками моего рыцаря.

Я бы не отказалась провести здесь всю оставшуюся жизнь, питаюсь бананами, кокосовым соком и жаренной на костре рыбой, но моя жизнь, увы, перестала принадлежать мне одной. Да, собственно, она мне никогда и не принадлежала. Уже с самого моего рождения все было решено наперед. Я лепила куличики на детской площадке, зубрила таблицу умножения в школе, изучала литературу в институте, бегала на вечеринки и неуклонно двигалась к тому, чтобы однажды очутиться в другом мире, в средневековом королевстве Вессалия, где меня примут за пропавшую волшебницу, похожую на меня как две капли воды, поселят в ее замке и заставят ворожить на потребу местной публике. Дальше потрясения последовали одно за другим: сперва во мне пробудился дар к волшебству, потом выяснилось, что знаменитая колдунья, за которую меня все принимают, не кто иная, как моя сестра-близняшка, разлученная со мной во младенчестве. Просто «Санта-Барбара»! Сестричка оказалась той еще «лапочкой»: своими черными делишками все сказочное королевство чуть на уши не поставила, а меня, значит, вызвали, чтобы я ее уму-разуму поучила да к порядку призвала. Да только в результате трогательной встречи двух сестер чудом обе живы остались. Особенно мне пришлось поволноваться, когда сестричка меня каким-то хитроумным заклинанием парализовала, а сама мной вздумала притвориться. Глядите, мол, люди добрые, одолела злую ведьму! Хорошо, что Ив рядом оказался и расколдовал меня, рыцарь мой влюбленный... Я с нежностью посмотрела на Ива, резвящегося в волнах с дельфином, который приплывал к нам с первого дня. Дельфин – добрый, ласковый, совсем ручной – с удовольствием катал нас по волнам и дрейфовал поблизости от берега, когда мы выбирались на сушу. За эти дни он стал для нас чем-то вроде домашней зверушки. «А ведь я буду по нему скучать», – поняла я, откидывая за плечи выгоревшие добела волосы и потянувшись за маслом для загара.

Ветер донес до меня возглас Ива, и я с беспокойством и обернулась. Рыцарь торопливо выбирался на берег, а рядом с ним вышагивал... магистр Белимар в прилипшей к телу длинной белой сорочке. Дельфин куда-то исчез. Видимо, когда магистр свалился прямо в море (как бы не ему на голову), дельфин в панике уплыл подальше от берега.

Я разочарованно вздохнула – наши каникулы только что закончились – и поднялась с песка, чтобы поприветствовать магистра, явившегося нагрузить меня новыми обязанностями. Ступив на берег, магистр поспешно приделся, обведя себя волшебной палочкой и наколдовав подобающую официальному визиту мантию. Ив с перекошенным лицом шел следом и подавал мне какие-то странные знаки.

– Как отдохнули? – бодро приветствовал меня Белимар, стеснительно отводя глаза от моего купальника. Согласна, слишком смело для сознания средневекового жителя. Пощадим старичка от потрясений. Мне на плечи упало длинное парео, и я закуталась в него, как арабская наложница.

– Сказочно, – искренне ответила я и многозначительно вздохнула: – Только мало.

Магистр нахмурился:

– К сожалению, пора возвращаться. Дела!

– Что на этот раз? – любопытно спросила я.

По словам магистров, чтобы сполна овладеть магией, я должна была пройти три испытания в трех мирах. Первым была Вессалия, где моей задачей было обезвредить сестричку, увлечшуюся черной магией. Там я впервые открыла в себе способности к волшебству и научилась материализовывать свои желания по поводу и без повода. А рыцарь-волшебник, поначалу приставленный Советом магистров, чтобы следить за отбившейся от рук Селеной, помог мне поверить в свои силы, а перед поединком с сестричкой и вовсе влил в меня всю свою магию, чтобы дать преимущество перед более искушенной в волшебстве и жестокой Селеной. Сестру я тогда одолела, в качестве досадного бонуса получив часть ее темного дара и гневного характера. К счастью, Ива это не испугало, и рыцарь последовал за мной.

Вторым миром стало подводное царство, принцесса которого вздумала поднять затонувшую Атлантиду на сушу при помощи четырех мощнейших артефактов, а я должна была помешать ей в этом. С этой задачей я тоже благополучно справилась, за что в благодарность от древних атлантов получила право на исполнение одного желания и, недолго сомневаясь, вернула рыцарю его магический дар. Как выяснилось, в подводное царство магистры отправили меня не случайно, а спасая и сухопутный мир тоже. После поединка с Селеной ко мне перешла часть ее магии, а стихией сестры был огонь. Магистры, чтобы перестраховаться, и сослали меня под воду, дабы я ненароком, в припадке бешенства, не испепелила кого на суше. А там вода гасила мою разрушительную магию, и я постепенно научилась справляться с приступами гнева и другими «подарками» Селены. Потом нам с Ивом был дарован отпуск на райском островке, а теперь меня ждала третья, самая главная миссия. Если верить магистрам, то к концу предстоящего испытания я овладею магией настолько, что смогу открыть портал в свой мир и вернуться домой. Итак, я уже изнываю от любопытства, что же на этот раз меня ждет?

– Лукоморье, – провозгласил магистр с таким видом, как будто только что презентовал мне тур на Гавайи. – Это же мир из сказок, известных тебе с детства, – с беспокойством добавил он, не дождавшись желаемой реакции.

Интересно, я сейчас должна прыгать выше верхушек пальм и кричать: «СПАСИБО! Вы исполнили мою детскую мечту»?!

– Ну спасибо, – выдавила я. – Всю жизнь мечтала потусить с Бабой-ягой и Горынычем.

Ив с беспокойством заглядывал мне в лицо. Он сказок про трехглавого змея не слышал и не мог догадываться, что за веселое приключение нам предстоит.

– С Бабой-ягой не получится, – как-то виновато улыбнулся магистр. – Ее сперва разыскать надо.

– Как это «разыскать»? – поразила я. – Она что, в бега подалась?

– Мы не знаем, – трагическим тоном возвестил магистр. – Но факт есть факт – Баба-яга исчезла, народ волнуется. Наш долг – вмешаться.

Я немного повеселела: это и есть моя последняя миссия? Да дел-то на пару дней. Куда может деться такая знаменитость, как Баба-яга, в крохотном Лукоморье? Да еще с ее-то приметной внешностью?

– Считайте, что мы ее уже нашли, – клятвенно пообещала я, чувствуя признательность к магистру и его коллегам. Хорошо хоть на этот раз меня не заставляют играть чужие роли, как раньше.

– Мне нравится такой настрой, – поощрительно улыбнулся магистр, утирая пот со лба. Я его понимаю – солнце палит немилосердно. – А пока, чтобы народ не волновался, тебе придется побыть ею.

Я остолбенела. Что? Мне? Мне побыть мерзкой, злобной, дряхлой, беззубой, с бородавкой на носу...

– ... Бабой-ягой, – подтвердил мои опасения подлец Белимар.

Ив переводил взгляд с магистра на меня, искренне недоумевая, о чем речь и кто такая эта баба, в которую мне предстоит перевоплотиться.

– Надеюсь, это шутка? – выдавила я, начиная закипать под тропическим солнцем.

Отводя глаза, Белимар взмахнул палочкой и протянул мне бумажный пакет, сотканный из воздуха. Я с опаской взяла его и заглянула внутрь.

– Это такой розыгрыш? – с угрозой спросила я, выуживая из недр пакета ужасающую квадратную челюсть с крупными желтыми зубами, которые, видимо, делали со слепка породистой лошади. Я ткнула челюсть Белимару в лицо, та ужасающе лязгнула, и он отшатнулся. А Ив захохотал.

– Что смешного? – огрызнулась я.

– Как я понял, ваша Баба-яга – это какая-то отвратительная, внушающая ужас старуха, – сказал Ив.

– Я потрясена твоей проникательностью. Смешного-то что?

– Просто представил себе, если уж одна челюсть в отдельности способна испугать до полусмерти, какой же ты будешь в полном образе. – Ив давился от смеха, а магистр промокал пот со лба и не чаял поскорее покончить с неприятной миссией.

– А я тебе сейчас покажу! – пригрозила я и запустила руку в пакет. Пальцы нащупали что-то жесткое, как мочалка, – это оказался парик. Я нахлобучила его на голову, вызвав очередной приступ смеха у рыцаря. Следующей моей находкой стала омерзительная перчатка с узловатыми пальцами и толстыми загнутыми когтями, я напялила ее на руку и с рычанием принялась душить ею хохочущего Ива.

– Пожалуй, я пойду, – попятился Белимар. – Смотрю, ты уже со всем разобралась.

– Стойте! – спохватилась я. – Вы зачем напугали нашего дельфинчика? С ним все в порядке? Вы его, случаем, не зашибли, когда приводнились?

– Спасибо, – смущенно кашлянул Белимар, – все в порядке.

– Что значит «спасибо»? – не поняла я.

Магистр смешался и, поспешно пожелав нам удачи на новом месте, стал таять, как в дымке.

– Это он и был, – выдавил Ив. – Все это время.

Я только ахнула. Каков предатель! Все это время следить за нами, крутиться рядом, когда мы в море, слушать все наши разговоры. А я-то, не стесняясь в выражениях, костерила

магистров, которые эксплуатируют меня, как Золушку, а отдохнуть толком не дадут, и еще много чего такого, не подумав, говорила.

– Ну я ему это припомню! – Я пригрозила когтистым пальцем в пространство, которое менялось на глазах. Пальмы таяли, как пустынный мираж, и сквозь них все отчетливей проступали очертания дремучего леса.

– Смотри! – Ив сжал меня за другую руку, и я повернулась, успев заметить, как истончается силуэт нашего райского шалаша. Мгновение спустя на его месте уже стояла, крепко держась на куриных ногах, настоящая сказочная избушка.

Не сводя с нее глаз, я машинально стянула перчатку и парик, сунула их вместе с челюстью в пакет.

– Ты когда успел переодеться? – удивилась я, глядя на Ива в привычной ему средневековой одежде путешественника: рубаха, перевязанная широким бархатным поясом, и штаны, заправленные в высокие сапоги. И тут заметила, что изменился и мой наряд: вместо парео на мне был длинный голубой сарафан, тот самый, в котором попала из Москвы в Вессалию. Одежда, конечно, выдаст в нас чужаков, зато внешность у нас самая подходящая для Лукоморья. Я – блондинка, у Ива волосы светло-русые да еще веснушки на щеках просматриваются, глаза у обоих голубые. Авось сойдем за своих, когда в наряды по местной моде переоденемся. Впрочем, мне это все равно без надобности, мне же Бабой-ягой рядиться придется да народ пугать.

В следующее мгновение шум волн и пение птиц с необитаемого острова окончательно стихли, уступив место звукам природы этого мира. Только звуки эти были отнюдь не из коллекции дисков для релаксации. За нашей спиной трещали деревья и грохотали шаги неведомого чудища.

Ив одним рывком дернул меня в сторону, и мы укрылись в кустах бузины. Как раз вовремя: мгновение спустя по тропке, на которой мы только что стояли, вихрем пронеслось что-то огромное, пестрое, с рыжими ногами. Избушка при виде чудовища подтянулась и как будто приготовилась к бою. Втянула в себя ступеньки, захлопнула ставенки – точь-в-точь неприступная крепость. К чести избушки, она стойко вынесла удар, когда чудо-юдо со всей прыти врезалось в одну из стен, и даже не пошатнулась. А вот чудо-юдо удара не пережило: развалилось на две части, одна из которых оказалась тощим рыжим конем, а другая – низкорослым, но очень крепким мужичком в кольчуге и богатырском шлеме. Мужичонка поднялся на ноги, потряс головой, словно отгоняя от себя звон в ушах, и грозно рявкнул:

– Баба-яга, выходи немедленно!

– Щас, бегу и падаю! – проскрипел вредный старушечий голосок.

Я потрясенно замерла. Получается, никуда Баба-яга не пропала? Или уже вернуться успела, пока магистры Совет собирали да меня на замену спрашивали?

– Выходи, убивать тебя буду! – не унимался мужик и воинственно воздел над головой погнутый меч.

А крепкая у Яги избушка, если сталь от столкновения с бревнышками гнется, как фольга. Видимо, богатырь дефект оружия заметил только сейчас, потому что сперва крепко ругнулся, а потом попытался сделать хорошую мину при плохой игре – опустил меч к земле и оперся на него двумя руками. Ни дать ни взять – Горец с плаката кино.

– А силенок хватит? – ехидно спросила Яга.

Богатырь как-то разом поник и, оглядевшись по сторонам и забыв про воткнутый в землю меч, подскочил к избушке и приглушенно зашептал что-то в закрытое окошко. Избушка вздрогнула, распахнув ставенки, как веки, и откуда-то изнутри проскрипело:

– Ах вот как! А что, Илюша, убивать меня ты уже раздумал? Или подождешь сперва, пока я тебе отварчик для мужской силы сварю?

– Тише, – зашикал богатырь, в панике оборачиваясь по сторонам. – Я ж тебя обидеть не хотел, сама понимаешь – положено! Если ж меня тут кто увидит...

– Положено, – передразнила Яга. – Положено молодцам с плечами в косую сажень беззащитных старушек обижать и смертью им грозить, да не положено молодцам с плечами в косую сажень к бабке за травками бегать, чтобы потом девок молодых портить.

– Ну что ты в самом деле, – взмолился Илья. – Я ж не для баловства. Я, может, остепениться хочу, семьей обзавестись. Я уже и невесту приглядел, Злату. Помоги, век не забуду!

– Лучше бы ты навек дорогу к моей избе забыл, – проворчала Яга.

– Как скажешь, бабушка, все сделаю, – торопливо запричитал богатырь. – Только помоги!

– Завтра приходи, – сжалилась Яга.

– Вот спасибо! – расчувствовался богатырь.

– Только смотри мне, – строго добавила Яга, – узнаю, что обманул, что семьей не обзавелся, накажу так, что ни одна чернавка на тебя после не взглянет.

Илья ошутимо поежился, но намерения свои подтвердил.

– Что ж, завтра к вечеру будет тебе отвар, – сообщила Яга, и избушка повернулась к богатырю задом, давая понять, что аудиенция окончена.

Илья подошел к мечу и попытался его выдернуть. Однако тот штопором вонзился в землю, и теперь вынуть его было не так просто. Богатырь изрядно попотел, бегая вокруг меча и пыжась его вытащить. Даже избушка заинтересованно повернулась, приоткрыв ставенки и поглядывая на старания богатыря, точь-в-точь как любопытная сорока.

– Что, не выходит меч-кладенец? – не выдержала Яга.

– Не выходит! – пожаловался Илья и взмолился: – Помоги, бабушка!

– Не старушечье это дело – богатырские мечи из земли дергать, – ехидно отозвалась Яга. – Сам вогнал, сам и тащи.

Богатырь еще попотел минут пять, потом злобно сплюнул, со всех сил пнул неподдающийся меч лаптем и взгромоздился на рыжего конька, испуганно жмущегося в сторонке.

Каким образом отнюдь не богатырских размеров конь умудрялся удерживать на себе Илюшину тушу и мчаться со скоростью кометы, для меня так и осталось загадкой. Конь сорвался с места – и лес возмущенно застонал, роняя сломанные ветви и сорванные листья. Скорости Илюшиного коня мог бы позавидовать и железный конь Шумахера.

Выждав пару минут, мы выбрались из кустов и направились к избушке, которая при виде нас гостеприимно распахнула ставенки, спустила ступеньки и открыла дверь, выпустив на крылечко большого черного кота.

Рыцарь из спортивного интереса попытался выдернуть меч из земли, но был вынужден признать свое поражение.

Я же, приближаясь к крыльцу, заглядывала в темное нутро избушки, все ожидая, когда же появится сама хозяйка.

– Ты, что ли, новая Яга будешь? – строго спросил кот, не сводя с меня пронизывающих зеленых глаз.

Если я и удивилась, то вопросу, а совсем не говорящему коту. Эка невидаль! В Веселии был у меня один знакомый рыжий кот Микки – болтун, каких свет не видел. По совестительству, кстати, кузен мой. Как-то парень Селене под горячую руку попался, потом котом несколько месяцев бегал, пока я его не расколдовала. Интересно, черный кот – тоже заколдованный человек?

– Как это новая? – изумилась я. – А кто сейчас с Ильей беседовал?

– Да это избушка балуется, – снисходительно отозвался кот и потерялся о крыльцо. – Шалунья она у нас.

– Ой, щекотно! – хихикнул трескучий старушечий голос, который я приняла за голос Бабы-яги, и, спохватившись, добавил: – Добро пожаловать, гости дорогие! Или это, – она запнулась, – хозяйева?

– Хозяин тут один – я, – ошетинился кот. – А вот насчет хозяйки посмотрим. Так это ты новая Яга?

– Я не Яга, – поправила я, – а Яна.

Кот ощутимо расслабился.

– Но я за нее, – добавила я, и кошачья спина напряглась, что тетива.

– Кто вас только присылает, – недовольно проворчал кот. – Сказано же: Баба-яга – старая страшная старуха. Понятно?! – Он так и впился в меня глазищами.

– Понятно, – растерялась я. – Чего ж тут непонятного. Сказки в детстве читала. И в университете славянскую мифологию проходили. Баба-яга – это древняя праматерь, живой мертвец и страж загробного мира, – протараторила я.

– Дурак ваш университет, – развеселился кот. – Это ж надо такую чепуху сочинить!

– А что, все не так? – растерялась я.

– Да ты не трясись, – успокоил меня кот, впуская в дом. – Я тебе помогу. Меня Варфоломеем кличут, – распушился он.

– А это Ив. – Я кивнула на рыцаря.

– А вот второго мужчину, – кот перегородил вход Иву, пытавшемуся войти следом за мной, – я в доме не потерплю.

– Мы вместе, – бурно запротестовала я.

– Чепухи-то не городи, – осадил меня кот. – Испокон веков Баба-яга одна жила.

– Я испокон веков не согласна, – испугалась я.

– Я тоже на это надеюсь, – ухмыльнулся Варфоломей. – Или ты наврала, что временно явилась?

– Временно, временно! – поспешила заверить я. – Вот только разыщем настоящую бабку и сразу свалим подальше из этой сказки.

– Искать будет он. – Кот мотнул головой в сторону Ива, стоящего в дверях. – А ты будешь Ягу изображать. Ворожить-то, чай, умеешь? – Он окинул меня скептическим взглядом.

– Умею.

– И то ладно, – смягчился кот и повернулся к Иву: – Ты отправишься за Василисой и вернешь ее домой.

– За какой еще Василисой? – напряглась я.

– Василиса – это моя настоящая хозяйка, бестолочь! – закатил глаза кот.

– Не очень-то вы и вежливы, мужчина, – огрызнулась я.

– Я смотрю, ты тут хочешь надолго задержаться? – сощурил глаза котяра.

Я запнулась и замолчала.

– Так вот, я знаю, где сейчас Василиса, – властно продолжил кот. – И очень хорошо, что ты явилась не одна. Пока ты будешь прикидываться Ягой, твой суженый вызовет мою хозяйку и вернет ее назад. Я думаю, это в наших общих интересах.

– Если ты знаешь, так что же молчишь! Почему магистрам ничего не сказал? – возмущилась я. – Уж они-то ее быстро бы вернули на рабочее место.

– Не могу я волшебникам Василису закладывать. Не все так просто с моей хозяйкой, – выдал Варфоломей.

– Кто бы сомневался, – проворчала я.

– Это долгая история, – заметил кот и, обернувшись к Иву, нехотя мотнул головой. – Ладно уж, заходи. Нечего порог топтать. Даже у леса есть уши.

Ступая впереди, кот с достоинством настоящего английского дворецкого провел нас в горницу, которую я, раскрыв глаза, разглядывала, как музейный объект. Комнатка служила хозяйке и спальней, и кухней, и приемной, и рабочим кабинетом. Поэтому здесь разместились и печка, застеленная ветошью, и лавка для гостей, и древний деревянный стол, и кованые сундуки – один большой, два поменьше. По бревенчатым стенам были развешаны пахучие веники из сухих и свежих трав. На полу лежали искусно вышитые половички.

Удивительно, но комната не выглядела жилищем злой старухи – несмотря на собрание древностей, она была чистой, опрятной, ухоженной и очень уютной. Здесь пахло деревом, травами, хлебом. На столе стояла глиняная кринка и черствели подгоревшие пироги, при виде которых желудок настойчиво напомнил, что соскучился по домашней еде. На острове мы с Ивом питались одними фруктами и рыбой. И хотя я могла наколдовать себе кусочек пиццы или шпашку шашлычка, я не стала этого делать, приняв правила игры Ива, который с азартом изображал Робинзона, преподносил мне кокосы и ловил рыбу в тихой заводи. Ну разве что пару раз не удержалась и тайком съела хот-дог и вафельный рожок с мороженым!

Рука сама собой потянулась к пирожку, но кот опередил меня, запрыгнув на стол и загордив собой блюдо:

– Не тронь эту гадость! Давно выбросить пора.

– Я только маленький кусочек! – попросила я.

Кот оскалился и выгнул спину:

– Если будешь тащить в рот все, что лежит в доме Бабы-яги, козочкой станешь!

Я ойкнула и отдернула руку.

– Я пошутил, – добавил кот. – Но пироги эти не ешь. И квас тоже вылей. Василисы уже десять ночей нет, они пропали давно.

Я выполнила наказ кота, вылив квас у крыльца и бросив рядом пироги – кот заверил, что птичкам ничего не станется.

– А почему ты зовешь Ягу Василисой? – любопытствовала я, вернувшись в горницу, где на столе уже пыхтел самовар и кот крутился у ног Ива, командуя, как заваривать чай из березовых почек и листьев малины.

– Потому что ее так называли родители, – выдал кот.

– У Бабы-яги есть родители? Папа-яга и Мама-яга? – загорелась я. – Расскажи!

Через несколько минут мы усадились вокруг закипающего самовара, распространявшего аромат еловых шишек, и приготовились слушать историю пропавшей Бабы-яги.

Кот начал свой рассказ, и мы окунулись в события ненастного майского дня, когда непокорная дочь покинула отчий дом, спасаясь от постылого замужества и желая посоветоваться с мудрой Бабой-ягой.

Василиса

Дом спал. Василисе удалось напустить волшебный сон и на стороживших ее нянюшек, и на батюшку с матушкой, почивавших в своей горнице, и на сестренку, и на служанок, и на стерегущих терем стрельцов, и даже на бдительного Полкана, уснувшего у своей будки.

Василиса на мгновение остановилась, потрепала пса по холке, прижалась к теплой морде, и Полкан приглушенно заворчал во сне.

Страшно было покидать родительский дом и выходить за ворота терема. Но еще страшней постылое замужество, на которое обрек ее отец, не желавший слушать ее мольбы. Да и матушка не хотела понять старшую дочь: жених и богат, и пригож, и славен – всем хорош. Да как объяснить, что душа у него черная, уж Василиса-то это видит, как никто другой. С детства ее Премудрой кличут за думы взрослые, за проницательность необычайную. Да только даже батюшка с матушкой не ведают о ее тайне – способности к чародейству. Но недолго

им в неведении пребывать осталось – после побега Василисы все станет ясно, и обратного пути в родной терем ей уже не будет.

Запахнувшись в дорожный плащ, Василиса юркнула в конюшню, сняла заклятие сна с верной кобылки и вывела ее во двор. Высокие ворота растворились, пропустив всадницу, и закрылись за ее спиной, отсекая путь назад.

Василиса гнала кобылу всю ночь напролет и еще затемно достигла дремучего леса. Здесь она отпустила кобылу и, шепнув ей волшебное слово, отправила домой. А сама двинулась по проторенной дорожке меж вековых дубов к стройным сосенкам, окружавшим избушку Бабы-яги. Она уже была здесь две весны назад. Тогда сильно захворала младшая сестренка, Злата, и царица сама к Яге на поклон отправилась в сопровождении старой нянюшки, знавшей дорогу. Василиса насилу упросила взять ее с собой – так ей хотелось посмотреть на легендарную чародейку. Пришлось даже наврать с три короба о том, как она мечтает вызнать у старухи свою судьбу и погадать на суженого. Только так и удалось мать уговорить. Яга тогда Златушку исцелила, а на Василису смотрела долгим проницательным взглядом и, пожевав серыми губами, сказала: «Непростая тебя ждет судьба, девица. Много испытаний тебе предстоит вынести, прежде чем с суженым своим соединишься». Мать, возвращаясь через лес, ругала Ягу вздорной старухой и недоумевала, какие испытания могут ждать царевну, судьба которой давно решена? А Василиса шла тише воды ниже травы, и ныло сердечко от волнения: правду бабка сказала, увидела она в ней прежде всего чародейку, а не царевну...

Избушка, освещенная тусклым светом полумесяца, казалась спящим воробушком. Заслышав осторожные шаги Василисы, она встрепелась, вскочила на ноги. Взметнулись веки-ставенки, и Василисе почудилось, что на нее пристально смотрит большой черный зрачок. Вздрыгнула – и наваждение прошло. То застыл на подоконнике крупный бабушкин кот.

В избушке послышались приглушенные голоса, как будто кто-то решал, что делать с незваной гостьей. И вот уже под ноги Василисе спустились ступени, словно соткавшиеся из призрачного лунного света. Василиса решительно взбежала к двери, которая с жалобным скрипом пустила ее внутрь, и, войдя в сени, замерла от ощущения беды. В воздухе, перебивая стойкие ароматы полыни и хвои, отчетливо пахло смертью. Василиса в волнении пересекла сени и вошла в горницу, тускло освещенную светом лучины.

Баба-яга, лежавшая на печи под грудой ветхих тряпиц, только голову на нее повернула. Приподняться у старухи уже не было сил. Голос, еще недавно звучавший громко и не смущавшийся командовать царицей, теперь был подобен шороху осенних листьев.

– Бабушка-яга, – выдохнула Василиса.

– Пришла, – старуха облизнула потрескавшиеся губы, – знать, от судьбы не уйдешь...

«Как это не уйдешь, – мысленно возмутилась Василиса, – я же ушла, сбежала, гнева родительского не побоялась». А ведь сейчас, поди, сонное заклятие уже развеялось, стрельцы и Полкан подняли шум, обнаружили ее пропажу и наверняка пустили погоню.

– Вот и я говорю, девица, не твоя это судьба, коли ты от нее сбежать не побоялась да ко мне поздней ночью прийти. – Желтые глаза Яги на миг полыхнули огнем купальских костров, и старуха велела: – Подойди.

Черный кот зашипел и спрыгнул с окна, перевернув глиняный горшок. Василиса машинально бросилась собирать черепки и, задумавшись, сама не заметила, как поставила на место целый горшок.

– Молодо-зелено, – с напускной строгостью проворчала Яга. – Разбрасываешься своей силой без разбора. Наловчилась, поди, в тереме золоченые блюда из осколков складывать, чтобы не досталось из-за шалостей?

Василиса нервно распушила кончик косы. Права была Яга. Именно так, сидя над разбитой чашей, которую так любила маменька, и замирая при мысли о наказании, маленькая

Василиса открыла в себе волшебные умения. Больше всего в тот миг она желала, чтобы чаша сделалась целой и невредимой, словно не смахнула ее, играючи, озорная девчонка. Василиса даже глаза зажмурила крепко-крепко и кулачки сжала сильно-сильно, а когда открыла, перед ней стояла маменька и со строгостью взирала на дочь, без позволения пробравшуюся в ее покои.

– Василиса, ты что здесь? – Строгий голос матери прозвучал как наяву.

– Матушка... я... прости... – пролепетала девочка, холодея от страха и загораживая черепки на полу.

Мать отодвинула ее в сторону, и в воздухе запахло грозой.

– Сколько раз тебе было велено, не тронь ничего без спросу!

– Прости, матушка, – промямлила Василиса.

– Ты же знаешь, как дорога мне эта чаша, – отчитывала ее царица. – Это подарок твоего батюшки!

От строгости матери и предчувствия наказания голосок Василисы задрожал, на глаза навернулись слезы.

– Я не чаяла, я ненароком... Прости, матушка!

– Впредь играй осторожней. – Властный голос матери неожиданно смягчился. – Ведь так и разбить ее недолго.

Василиса, не веря своим ушам, бросила взгляд за плечо. На бревенчатом полу не лежало ни осколочка! А мать держала в руках целую и невредимую, как Василиса и загадывала, чашу.

– Ну ступай, егоза, – улыбнулась мать. – Да впредь не балуй.

Василиса птичкой порхнула из царицыных покоев, каким-то недетским своим чутьем понимая, что рассказывать матери о чуде, которое она только что сотворила своими руками, не стоит...

Глухой кашель Бабы-яги вырвал Василису из оживших воспоминаний. Черный кот с беспокойством метнулся к печке и вскарабкался наверх.

– Говори, зачем пришла, – хрипло велела Яга. – А то, не ровен час, помру и не успею горю твоему помочь. Да и ты, судя по тому, что ночью в избу Яги не побоялась прийти, торопишься шибко.

– Я из дому сбежала, – выдохнула Василиса, растерянно теребя косу.

– Хороша царевна! – возмущенно фыркнул черный кот, ошарашив девушку.

– В прошлый раз ты не разговаривал, – выдавила она.

– В прошлый раз и ты не очень-то говорила, – с ехидством отозвался кот, заботливо укрывая хозяйку тряпьем и укладываясь под боком.

– Молчи, пустозвон, – цыкнула на него Яга и пристально взглянула на девушку. – Интересный расклад получается. А ко мне почему явилась? Али дружок сердечный испугался и бросил беглую царевну?

– Нету никакого дружка, – вспыхнула Василиса. – Батюшка меня замуж хочет отдать за Чернослава.

При упоминании имени жениха Яга вздрогнула, и в руке, рассеянно поглаживающей кота, остался клочок черной шерсти. Кот обиженно взвыл и соскочил с печи.

– За Чернослава, говоришь? – нахмурилась Яга, не обращая внимания на жалостливо голосящего кота, и с сочувствием взглянула на оробевшую Василису. – А я-то чем помочь могу?

– Укрой меня, бабушка, – взмолилась Василиса. – Чернослав – он злой, он темный, не любит он меня, уж я-то вижу.

– Ох, царевна, – вздохнула Яга, – припозднилась ты. Сама видишь, близехонек мой час. Долго я на белом свете гостила, пора и честь знать.

Василиса задрожала.

– Неужели ничего нельзя сделать, бабушка?

– Не жалец я на этом свете, – прошамкала Яга.

Кот скорбно взвыл, прижался к хозяйке.

– Я думала, ты меня спрячешь, – зашептала Василиса. – Думала, научишь, как от погони скрыться да людям пользу своими умениями приносить. Я ведь, бабушка, исцелять умею. Я украдкой в тереме помогала...

– Что ж сестрицу свою не исцелила? – со строгостью осадил ее Баба-яга. – То-то же. Есть в тебе умения, да только управлять ими ты еще не научилась, и мало что тебе, девица, пока под силу.

– Научи, бабушка, – взмолилась Василиса, – научи, милая!

Яга вытянулась на печи, вздернув крючковатый нос, уставилась в потолок и замерла.

– Быть по-твоему, Василиса, – наконец молвила она. – Чему успею, тому научу.

Кот перевел дух и припал к блюдечку с родниковой водой за неимением молока. То, что без молока Варфоломей тяжело страдает, мы уже твердо уяснили. Причем, по версии кота, выходило, что главная обязанность Бабы-яги – обеспечивать бедного котика свежим молочком, и только ради этого помогать страждущим. Колдовство за молоко и сметану – и других валют не приемлем.

– Значит, Яга стала учить Василису тому, что умела? – сгорая от любопытства, спросила я.

– Так и было, – с важностью сообщил кот, оторвавшись от блюдечка. – Яга поведала ей все полезные свойства трав и их сочетаний, рассказала, когда надобно собирать травы, чтобы они сохранили целебные свойства. Научила понимать голоса лесных птиц и зверей, прислушиваться к матушке-земле и батюшке-лесу, – перечислял он, успевая намывать усы. – Сообщила, как распознать клад глубоко под землей и как вычислить вора...

Я приуныла, слушая этот внушительный список. Я из этого и половины не умею. И как только справляться буду?

– Но то была лишь десятая часть того, что умела моя хозяйка, – печально закончил кот. – До остального Василисе пришлось доходить собственным разумом да делом.

Всего десятая часть! Я вконец приуныла и вздохнула:

– А мне, значит, и вводный курс лекций провести некому...

– Чем смогу – помогу, – обнадежил меня Варфоломей. – Как помогал Василисе все это время. Так вот, через три дня после того, как Василиса появилась в нашей избушке, моя хозяйка испустила дух...

– Как?! – поразила я. – Всем этим премудростям Яга обучила Василису за три дня?!

– Я же говорю, – обиженно повторил кот, – она не передала ей и десятой части своих знаний.

– А кто надоумил Василису прикинуться Ягой? Сама Яга? – любопытствовал Ив.

– Так вот я и рассказываю... – продолжил кот. – Дело было так...

Василиса

Все три дня после побега Василиса, как умела, пыталась облегчить страдания Бабы-яги и с жадностью впитывала в себя знания, которыми делилась с ней легендарная чародейка. Василиса старалась не думать о том, что она станет делать, когда уста старухи застынут и жизнь покинет ясные желтые глаза, смотрящие ей прямо в сердце. Василиса понимала, какую честь оказывает ей Яга, передавая свой опыт, и не могла не сознавать, что обязана этим своим чистым помыслам и искреннему желанию продолжить дело чародейки, не оставить людей без волшебной помощи.

От зари до захода солнца Василиса металась от печи к столу, ворошила вязанки сухих трав, смешивала в котелке разные снадобья, училась видеть и слышать то, что было недоступно раньше. Как по заказу зарядил дождь, и тропинку к избушке размыло, так что никто из посетителей не мешал тихим разговорам Яги и Василисы. Даже словоохотливый Варфоломей притих, свернувшись клубком в ногах у хозяйки, и только неотрывно следил за девушкой, сверкая зелеными глазищами.

К вечеру Василиса валилась с ног, но, преодолевая усталость, гнала сон и стремилась узнать как можно больше: Яга была плоха, и каждая беседа с ней могла стать последней.

Яга спала плохо, поэтому охотно делилась с девушкой своими знаниями, и в избушке засыпали уже глубоко за полночь. Добравшись до лавки, Василиса мгновенно проваливалась в сон, не замечая, как жестки доски супротив мягкости перин в тереме батюшки.

Старуха с одобрением поглядывала на девушку, которая оказалась равнодушной к комфорту и жадной до знаний. Когда-то она тоже была такой. Значит, и Василиса со временем может стать ей достойной заменой. Вот только у самой Яги этого времени уже нет.

– Ты уж не оставь Василисушку, – шепнула Яга коту, мурлычущему у нее под боком. – И она, верю, тебя не оставит.

Варфоломей еще громче замурлыкал, с тоской прижимаясь к хозяйке и стремясь напоследок выразить всю свою любовь к ней. А когда кот замолчал, Яга уже не дышала.

Василиса проснулась на заре и сразу все поняла по унылой тишине, царившей в избушке. Осиротевший Варфоломей неподвижно сидел в ногах у Яги, только глаза болотными огоньками жгли проснувшуюся девушку.

– Не реви, – строго сказал он. – Хозяйку проводить надо, как полагается.

Дождь кончился, земля успела просохнуть за ночь. Варфоломей повел Василису вглубь леса по одному ему известной тропинке. Поспевая за котом, Василиса удивлялась: деревья как будто расступались перед ними, а потом смыкались за спиной, храня тайную тропку. Варфоломей остановился у древнего дуба, кряжистого и высокого.

– Здесь, – кивнул он, усаживаясь между корней.

Василиса растерянно затеребила косу. Придется постараться, чтобы перенести сюда Ягу и вырыть могилу. Вдруг позади нее затрещали кусты и на поляну вышел большой медведь. Он задрал морду к небу и зарычал.

Василиса перепугалась и принялась вспоминать заклинания, которые спасут от зверя, но кот метнулся ей в ноги, мяуча:

– Потапыч – наш друг.

Обратно возвращались втроем. Отчаянно косолапя, медведь по-человечьи вошел в избу, проломив пару ступеней, с почтением поднял на передние лапы Бабу-ягу и двинулся в обратный путь.

У заповедного дуба, рядом со свежевырытой ямой меж корней, их ждали медведица с медвежонком.

Простившись с Ягой, Василиса с котом вернулись в избушку.

– Что же теперь делать-то? – потерянно спросила Василиса, поднимаясь на крылечко.

– Надо плотника звать, – произнес кот, перепрыгивая через сломанную ступеньку.

А кроны деревьев испуганно зашелестели, и Василиса замерла на пороге, прислушиваясь к зову. Немногому ее успела научить Яга, но угадать приближение врага лютого успела.

– Чернослав! – побелевшими губами выдохнула Василиса.

Кот все мигом понял и ошетинился:

– Когда?

– Если лес задержит, поплутать заставит, то, может, успею скрыться, – прошептала Василиса, посылая свою отчаянную мольбу лесу.

– Не скроешься, – с тревогой возразил кот. – А вот обмануть его можно.

Подтолкнув остолбеневшую Василису под ноги, Варфоломей скакнул в сени и прикрикнул на девушку, веля поторопиться.

– Избушка меня укроет? – с надеждой спросила Василиса.

– Против дубины избушка не воин, – пробормотал кот, запрыгивая на сундук и нетерпеливо чертя коготками по дереву. – Отпирай!

– Это же не мое, – запротестовала девушка.

– Отпирай! – рявкнул кот. – Наряжать тебя будем.

– Да разве до того сейчас! – ахнула Василиса.

– Отпирай, кому говорят! – Кот оскалился и выгнул спину. Того и гляди, глаза выдерет!

Василиса поспешила выполнить чудную просьбу.

Варфоломей нырнул в тряпье, расчихался от пыли и через некоторое время выпрыгнул, бросив к ногам Василисы серую дерюжку, подобную той, которую носила Яга. Хотя почему «подобную»? Это же ее сундук.

– Одевайся!

Василиса стыдливо зарделась.

– Дура девка, – буркнул кот, скрываясь за печью. – Одевайся, кому сказано.

Василиса сняла расшитый самоцветами сарафан, в котором бежала из дома бабушки, и, оставшись в одной нательной сорочке, надела сверху бесформенную дерюгу.

Кот бесшумно выскользнул из-за печи.

– В самый раз! – мяукнул он. – Теперь и не поймешь, девица ты или старуха.

– Я должна прикинуться родственницей Бабы-яги? – непонимающе произнесла Василиса.

– А еще Премудрая! – укоризненно протянул кот. – Ты и есть Баба-яга, ясно?

– Какая же я Баба-яга? – обомлела Василиса. – Чернослав меня вмиг признает.

– Соображаешь, Премудрая, – ехидно отозвался Варфоломей. – Так что ты уж постарайся – не стой столбом!

В трубе заблудился ветер, и Василиса с беспокойством прислушалась к посланию леса: Чернослав с дружиной уже ступил под сень деревьев и скоро будет здесь. У нее в запасе не так много времени, чтобы перевоплотиться в Бабу-ягу.

Василиса кинулась к печи и принялась ворошить тряпье. Кот с одобрением наблюдал за ней. Но, когда девушка с торжествующим криком выхватила из тряпья что-то невидимое и бросилась к котелку, Варфоломей заволновался.

– Ты что задумала? – нервно поинтересовался он, постукивая хвостом по лавке.

– У меня волосок Яги! – возбужденно сообщила Василиса, поднеся сложенные щепоткой пальцы к носу кота. – Сейчас скоренько вскипачу обратное зелье и приму ее облик.

– Дура! – рявкнул тот, вскакивая со скамьи. – Во-первых, это не Яги волос, а мой.

– Как твой? – удивилась Василиса. – Он же седой!

– Не седой, а серый, – с достоинством возразил кот, ткнув лапой в грудь, и, разворошив манишку, продемонстрировал скудный клочок шерсти дымчатого цвета, а потом снова искусно замаскировал его и для верности еще сажечкой с котелка мазнул поверху.

Василиса опустила руки и в растерянности затеребила косу.

– Прему-у-драя, – язвительно протянул кот. – Учить тебя еще и учить!

– Что же делать? – прошептала Василиса, в панике поглядывая в окошко.

– Беги набери глины позади избушки да водицы из лужицы, – деловито велел Варфоломей. – А я пока здесь покудесничаю.

Василиса опрометью бросилась из избы. Когда она вернулась, выполнив поручение кота, тот деловито выковыривал паклю из окна, а избушка хихикала, жалуясь на щекотку.

– Принесла? – обернулся кот. – Вот и умница. Давай разводи глину с водицей да щеки мажь.

– Что? – опешила Василиса.

– Бабу-ягу из тебя, красавица, делать будем! – рывкнул кот.

Василиса перевела взгляд на глину в одной ладони, на кувшинчик с водой в другой – и вдруг расхохоталась.

– Ай да кот, ай да затейник! – Она быстро смешала сероватую кашицу и растерла ее по лицу.

– Уже лучше, – одобрил кот. – Теперь остатки по рукам разотри, а то уж больно они у тебя белые. Но все равно при женихе руками не маши, а лучше прячь их под столом, – посоветовал он и протянул ей паклю и тонкую веревочку. – Это на вот, косу спрячь, а сверху привяжи.

Василиса с азартом завертелась у бочки с водой, исполняя поручение кота. А тот, запрыгнув на печь, выудил из вороха тряпья серый платок и сбросил его на пол.

– Это сверху повязывай.

– Натуральное чучело, – оценила Василиса, надев платок и склонившись над бочкой.

– Да, до Бабы-яги еще далеко, – критически сощурился кот.

– А гости уже близко, – озабоченно заметила Василиса, прислушиваясь.

– Успеем! – ободрил ее кот, выдирая полоску пакли шириной с палец и разделяя ее пополам. – Ну-ка доставай из сундука склей-отвар да лепи себе брови.

Василиса нашла нужную склянку, откупорила и скривилась:

– Ну и запах! Это что... помет?

– Не время носик морщить, – прикрикнул на нее Варфоломей. – Клей давай.

– Но он так гадостно пахнет, – с сомнением протянула Василиса.

– А Баба-яга и не фиалками, как царевны, должна пахнуть, – осадил кот.

– Но и пометом от нее не несло! – возмущенно возразила Василиса.

– Не время препираться, – прошипел Варфоломей и ошетинился – на опушку выехали пятеро всадников.

Василиса охнула, зачерпнула зловонную жижу, провела пальчиком по тонким дугам бровей. Кот, запрыгнув на стол перед ней, ловко приладил сверху по кусочку пакли.

– Не дрожи, избушка их задержит, пока мы не управимся, – успокоил он, и избушка, подтверждая готовность помочь, захлопнула ставенки, оградив от посторонних взглядов. В горнице тут же сделалось темно, но кот быстро отыскал лучину и зажег ее. А потом запрыгнул на стол, запустил лапу в половинку вчерашнего каравая, который приготовила Василиса по рецепту Яги, и выдрал из него кусочек.

– Нашел время обедать! – осадил его Василиса, кусая губы от напряжения. Голоса Чернослава и его воинов звучали уже у крыльца.

Не удостоив ее ответом, Варфоломей слепил хлебный мякиш, придал ему форму клюва, закрепил склей-отваром, макнул в остатки глиняной кашицы и подскочил к Василисе:

– Наклонись ко мне!

– Что это? – Она с опаской покосилась на пахнущий пометом «клюв».

– Это твой нос, балда! – раздраженно фыркнул кот. – А ну наклоняйся, а то жених тебя мигом признает!

Василиса, убоявшись разоблачения, быстро повиновалась. Варфоломей деловито налепил накладной нос на курносый Василисин и одобрительно мяукнул.

– Все? – осторожно поинтересовалась царевна.

– Еще кое-что! – оповестил кот, отковырнул от каравая еще кусочек, скатал хлебный шарик, проделал с ним те же манипуляции, что и ранее с «клювом», и налепил на кончик хлебного носа.

Василиса, сгорая от любопытства, подскочила к бочке с водой, наклонилась над ней, отшатнулась и вскрикнула. Из бочки на нее смотрела сама Баба-яга: тот же нос, та же боро-

давка на нем, те же лохматые брови, те же серые сморщенные щеки – это глина стянула кожу бороздками.

– Зубы тебя выдадут, – прошипел кот, ныряя за печку, откуда появился уже с угрожающего вида челюстью, катя ее перед собой. – Это тебе, последний штрих.

– Что это? – ужаснулась царевна.

– Волчья челюсть, – спокойно сообщил кот, сдувая с желтых клыков паутину. – Ты не робей, – поторопил он. – Она чистая, Яга из нее отвар кипятила.

– Ни за что! – с решимостью отчеканила Василиса.

– Эй, хозяйка, – гаркнул Чернослав, и громовой удар обрушился на тоненько всхлипнувшую дверь. – Принимай гостей!

В один миг Василиса подхватила с пола волчьи зубы и сунула в рот. Челюсть села набекрень, растянув щеки по косой. Царевна скривилась от омерзения, кот, оглядев ее, одобрительно хмыкнул.

– В таком виде тебя и родная матушка не узнает, а жених и подавно. Даже если признает, предпочтет убраться подобру-поздорову. А это, – он отделил от каравая щедрый кусок и, раздвинув челюсть, пропихнул его Василисе в рот, – чтобы и голос не подвел! Ну не робей, садись на лавку. И помни, что ты – Баба-яга, – напутствовал он. – Станешь бабушкино честное имя недостойным поведением порочить, я тебе в ногу когти запущу, поняла?

Василиса ни жива ни мертва кивнула, опустила на скамью, а кот, велев избушке впускать гостей, юркнул в ноги царевны и застонал: вот балда, красные сафьяновые сапожки снять забыла! Варфоломей быстрее молнии метнулся к печи, схватил кучу тряпья и бросил Василисе в ноги прежде, чем в горницу вошел Чернослав. После чего сам зарылся в эту кучу и принялся наблюдать за происходящим.

– И что, Чернослав не просек этот маскарад? – удивилась я. – Не смог ряженую девицу от бабки отличить? Не узнал собственную невесту?

Кот с важностью распушился, давая понять, что потрудился на славу, чтобы уберечь Василису от разоблачения. Я тоже приободрилась. Уж если царевну удалось загримировать под Бабу-ягу так, что суженый не догадался, то с реквизитом магистров меня кот-стилист замаскирует – не подкопаешься. Вот только волчью челюсть я вставлять не буду, увольте от подобной антисанитарии. У меня своя есть, спасибо магистрам. Одно смущает: если все время жевать каравай, чтобы имитировать старушечий голос, я рискую превратиться в колобка раньше, чем найдется Василиса. Кстати, о каравае...

– Не знаю, как вы, а я страшно проголодалась! – провозгласила я и многозначительно уставилась на кота, а потом – на Ива, призывая его меня поддержать.

Варфоломей на мой намек никак не отреагировал, продолжая неподвижным изваянием сидеть на лавке. Ив озабоченно огляделся и вскочил на ноги:

– Да, хорошо бы подкрепиться!

– Ты куда? – удивилась я, глядя в спину рыцарю, пока он обходил горницу по периметру, вдумчиво изучая стены с вышитыми полотенцами.

– Почтенный. – Ив обернулся к коту. Кот подобрался от такого уважительного отношения. – А у вас имеются лук, стрелы?

Кот отрицательно помотал головой.

– Копье? – менее уверенно спросил рыцарь.

– Есть меч, – сообщил кот.

Ив приосанился.

– ... во дворе торчит! – продолжил кот.

Рыцарь поник – меч Ильи он уже пытался вытащить из земли пару часов назад и вынужден был признать тщетность своих попыток.

– Зачем тебе все эти колюще-режущие штуки? – в полнейшем недоумении воскликнула я.

– Ты же проголодалась, – напомнил Ив.

– Да, и что с того? – все еще недоумевала я.

– Я иду на охоту, – доложил рыцарь.

– Какой ты заботливый, – умилилась я.

Кажется, Ив до сих пор не осознал, что к нему вернулся дар волшебства, и все задачи продолжает решать подручными средствами. А может, это его осознанный выбор? Ведь не желал же он пользоваться своим даром до встречи со мной, предпочитая прикидываться рядовым рыцарем Вессалии.

Значит, о пропитании мне придется позаботиться самой. Не отправлять же в самом деле Ива охотиться на зайцев?

Я сосредоточилась на еде и попыталась наколдовать большую пиццу и бутылку колы. Увы, тщетно! Волшебство, которое с легкостью удавалось мне в Вессалии, на морском дне, на берегу Древней Греции и на тропическом острове еще вчера, сейчас совершенно не действовало. Может, избушка зачарована от чужого чародейства?

Я выскочила в сени, сбежала во двор и, отойдя к опушке леса, повторила свое желание о горячей ароматной «гавайской» пицце с ветчиной и ананасами. Даже руки подставила на тот случай, если пицца свалится на меня прямо с неба. Ничего...

Я в беспомощности повернулась к избушке, с крыльца которой спускались Ив с котом.

– Все в порядке? – обеспокоенно спросил Ив, подходя ближе.

– Нет, – с трагизмом провозгласила я. – Я разучилась колдовать.

Он вздернул бровь.

– А что ты собиралась сделать?

– Добыть нам пиццу, – призналась я.

– Ты собиралась добыть нам еду волшебством? – потрясение переспросил рыцарь.

– Ну да! – не чувствуя подвоха, подтвердила я.

Ив покачал головой.

– А что такого? Я всегда так делаю!

– Ничего удивительного, – хмыкнул рыцарь, – что у тебя ничего не получилось.

– Это место какое-то особенное? – ухватила я за его слова. – Оно гасит магические способности?

– Да ты сама их гасишь! – выругался Ив. – Как только можно было додуматься использовать магию для получения пищи!

– А что в этом плохого? – взорвалась я. – Можно подумать, я решила вызвать демона разрушения или вызволить из плена черного колдуна!

– А ты не понимаешь? – опешил Ив. – Это мелко. Это эгоистично. Это расточительно, в конце концов.

В голосе рыцаря прорезались металлические нотки, и меня словно окатило волной холода.

– Между прочим, я думала о двойной пицце, – с обидой сказала я. – И твою долю тоже учитывала, чтобы ты голодным не остался!

– Яна, – рассерженно воскликнул рыцарь, – оглянись вокруг! Мы, по-твоему, где?

– Мы в сказке, блин! – огрызнулась я. – Русской народной!

Взгляд мой упал на самозабвенно вылизывающегося кота, и меня осенило.

– Как же я раньше не догадалась?! Ив, ты гений! Кот, доставай скатерть-самобранку!

Хвостатый не прекратил своего упоенного занятия.

– Варфоломей! – еще громче окликнула я.

– Да слышу я, не глухой, – проворчал кот, выворачивая ухо и продолжая мыться. – Только с чего ты взяла, что у меня есть эта скатерть?

– Вы что, – ужаснулась я, – уже подарили ее какому-нибудь пройдохе царевичу?

– Как ты говоришь? – Он в задумчивости почесал за ухом. – Самобранка?

– Как?! – Я опешила. – Ты о ней никогда не слышал?

– Знать не знаю, ведать не ведаю, – широко зевнул кот и продолжил намываться.

– Что это за скатерть-то? – не выдержал Ив.

– Это такая волшебная скатерть, которая всех кормит и поит, как хлебосольная хозяйка, – удрученно пояснила я. – Но нам с тобой, как понимаешь, это не светит. Что же делать?

– Любишь кататься, люби и саночки возить, – изрек кот.

– Чего? – поразила я.

– Хочешь есть? Сготовь, – снизошел до пояснений тот.

– Сготовь?! Что? У нас и продуктов-то нет! И на чем? Если бы здесь была плита – так ведь даже электричества нет! И не смотри на меня так, – под пристальным взглядом кота я ступала, – к печи я и близко не подойду. В лучшем случае я сплю еду, в худшем – всю избу.

Избушка, услышав мои слова, предусмотрительно попятилась назад, пока не уткнулась в три сросшихся стволами сосны.

– Нет, Яна, – рыцарь рассерженно покачал головой, – ты меня совсем не слышишь. Оглянись вокруг. По-твоему, где мы?!

– Мы в лесу, – буркнула я, сверля взглядом сосну за спиной Ива и мечтая, чтобы она упала на голову взбесившемуся рыцарю. Увы, и этому моему желанию не суждено было сбыться. Сегодня не день Бекхэма!

– Вот именно! – воскликнул Ив. – В лесу полно дичи, в лесу полно ягод и грибов, в лесу полно пищи!

– Спасибо за гастрономическую справку, – огрызнулась я. – Только дичь сперва нужно найти и пристрелить. Да и ягоды с грибами под первым же кустиком нас не ждут.

– Яна-а! – Ив раздраженно закатил глаза. – По-твоему, магия – это что? Это сила, способная заменить весь труд на свете?

Именно так я и думала. Но, когда эту мысль сформулировал Ив, да таким обвиняющим тоном, мне показалось, что признаваться в этом не время. И даже закралось сомнение, что я в чем-то не права. Глупости, я всегда права!

– Если не весь, то хотя бы самый нудный, – упрямо ответила я. – По-твоему, нам сейчас стоит отправиться в лес за грибами и корячиться по земле, по ягодке собирая землянику?!

– А по-твоему, достаточно щелкнуть пальцами, и грибы прикатятся к твоим ногам? – съязвил Ив.

– А что, это идея! – загорелась я. – Если ко мне не идет пицца, может, повезет с более близким материалом. Лисички, подосиновики, шампиньоны и эти... как их там... волнушки, ко мне!

– Мухоморы забыла, – услужливо подсказал кот, с интересом наблюдавший за нашей перепалкой.

– Спасибо, – буркнула я.

– На здоровье, – с любезностью отозвался Варфоломей. – Еще поганки не забудь пригласить к столу!

Минуты две я хмурила лоб, представляя себе, как со всех лесных опушек грибы отрываются от корней, а ягоды – от кустиков и летят ко мне аппетитными стайками. Вот ароматное земляничное облачко, вот грибное... И опять ничего! Я снова была вынуждена признать свою неспособность к магии.

– Ну почему у меня не получается? – тоскливо протянула я. – Ив, объясни!

– Я уже все сказал, – холодно взглянул на меня рыцарь. – Магия – не игрушка в руках вздорной девчонки.

Он отвернулся и зашагал к избе.

– Ах, вот ты как заговорил! – обиженно крикнула я ему в спину и в отчаянии прошептала: – Но ведь раньше у меня получалось! Почему?

– Могу только предположить, – вклинился кот, не торопившийся вернуться в дом.

– Валяй, – буркнула я.

– Я видел, как Яга учила Василису. И перво-наперво она ей втолковала, что волшебство – драгоценный дар, и его нельзя тратить по мелочам. Представь, что тебе дарован ларец с самоцветами. Ты можешь распорядиться им с толком – помочь бедняку построить хижину, купить больному целебный отвар, наградить праведника, остановить злодея. А можешь растратить его на себя по пустякам – на гребни, ожерелья, новые сарафаны и сладости. В первом случае ты сделаешь мир лучше и оставишь о себе память в людских сердцах. Во втором – твое золото превратится в сор, утечет, как вода, и, доставив мимолетную радость тебе, обернется песком.

– Ты меня сейчас к благотворительности призываешь? – угрюмо уточнила я. – Себе – ничего, даже куска хлеба, людям – все?

Кот печально посмотрел на меня и махнул хвостом:

– Я? Ни в коей мере. Я лишь пересказываю тебе слова своей хозяйки.

И, отвернувшись, он побрел к избушке.

– Но ведь раньше у меня получалось, – я сжала кулаки, – получалось же! Куда же все делось? Не может же быть, – похолодела я, – что я истратила весь запас своего дара!

Возвращаться в избушку под обстрел укоризненных взглядов Ива и кота не хотелось. Я развернулась и ступила в тень ближайших деревьев. Передо мной расстился лес – дремучий, темный и неведомый.

Заповедный сказочный лес ничем не напоминал тот отравленный мегаполисом и искалеченный туристами подмосковный лес, в котором я имела несчастье заблудиться в последний день моего пребывания в родном мире. Здесь все было так, как сотворила сама природа. Плодородная земля лелеяла каждое семечко, каждый росток. Проливные дожди щедро поили молодые побеги, красили сочной зеленью траву, умывали листву деревьев и ягоду на кустарниках. Высокие корабельные сосны и дубы-исполины стояли плотной стеной, что богатыри на поле боя, а у их ног то тут, то там лежал ковер из бело-рыжих грибных шляпок. Я склонилась над грибной полянкой и с сожалением вздохнула. От избушки я удалилась достаточно далеко, и конечно же в пылу обиды мне и в голову не пришло захватить с собой лукошко или корзину. Платка я не носила, а складывать грибы в подол сарафана – пошло. Тем более что он у меня один-единственный на все время пребывания здесь. Наколдовать-то новую одежду я себе не смогу, а произведения портновского искусства местных дизайнеров вряд ли придутся мне по вкусу.

– Растите, грибки, – пробормотала я, поднимаясь, – я вас не трону.

По дороге я уже успела полакомиться малиной, которая, несмотря на свою дикость, была необыкновенно сладкой, и жалела только о том, что ее оказалось мало. Вдалеке среди зелени призывно мигнула красным бочком спелая ягодка, и я, забыв про грибы, зашагала к залитому солнцем островку малины. Здесь ягоды оказалось даже больше, чем на бабушкиной даче, и я с жадностью набросилась на малину, спугнув несколько бабочек. Утолив голод и разомлев на солнышке, я опустилась на прогретый зеленый ковер, проведя ладонью по пушистым головкам клевера и нежным лепесткам ромашек.

«Любит – не любит?» – засомневалось сердце, вспоминая невесту почему разбушевавшегося Ива. Экое преступление – захотеть наколдовать пиццу, чтобы накормить себя и любимого! Путь к сердцу мужчины лежит через желудок, из какого бы мира ни был этот мужчина. И это пусть обычные женщины маются на кухне со сковородками, устраивают танец с ножами вокруг нафаршированного яблоками гуся и часами изо дня в день повторяют сложнейшие, годами выверенные ритуалы, чтобы приготовить борщ. У волшебниц все по-другому! И нечего заставлять меня собирать ягоды и грибы и гоняться с луком и стрелами за безобидными зайчишками. «Куда как приятнее щелкнуть пальцами, и зайчишка уже в виде зажаренного в хрустящей корочке филе появится на столе», – прорезался ехидный внутренний голос.

Стебелек ромашки не выдержал, смятые лепестки белыми хлопьями посыпались сквозь пальцы. Любит – не любит? Я сорвала ближайший цветок и безжалостно разворошила, раздвоя ромашку лепесток за лепестком. Последний лепесток восклицательным знаком торчал над желтой подушечкой пестика. Не любит... Я отбросила цветок в сторону, упала спиной на цветочный ковер, смяв десятки ромашек-предательниц и погубив столько же неповинного клевера.

Солнце слепило глаза, выжигая слезы из-под сжатых ресниц. Этого и следовало ожидать – мы такие разные. Он серьезный, я легкомысленная. Он отважный, я осторожная. Он мечтает спасти вселенную, а я думаю о собственном счастье. Мы принадлежим разным мирам, и эти миры вросли в наше сознание так крепко, что нам никогда не понять друг друга. Мне никогда не стать своей в родной Иву Вессалии, ему не прижиться в пыльном и шумном мегаполисе. У нас нет будущего – надо набраться смелости и признать это. «И нет любви, – кольнуло сердце, – больше нет». Первое же серьезное разногласие обернулось ссорой, и очень показательно, что в конфликтной ситуации долг для Ива оказался важнее, чем я сама. В то время как я хотела позаботиться о рыцаре доступными мне средствами, он осудил меня за легкомысленную растрату магии.

Горсть малины, смешавшись с солью на губах, разлилась во рту сладким соком, но не подсластила горечи на душе. Малиновка испуганно забила крыльями, взмывая вверх, и по ту сторону малинника послышались громкие голоса. Я подползла к кусту и подтянула колени к груди, ругая себя за то, что так неосторожно отвлеклась, позволив застать себя врасплох. Возбужденные мужицкие голоса и бравурный гром смеха подсказывали, что выдавать свое присутствие не стоит. Особенно учитывая тот факт, что без магии я абсолютно беспомощна.

– ... нос в потолок врос, сопли через порог висят... – перечислял визгливый мужской голос, пока по ту сторону трещали кусты и широкие ладони загребали сладкую ягоду.

– Фу, чудовище! – фыркнул молодецкий бас.

– Ай хороша малина! – протянул пискля.

– Хороша! – согласно крикнул третий мужик, с сиплым голосом. – Как ты говоришь – прямо в потолок?

– В потолок, в потолок, – подтвердил рассказчик, и я так и представила, как он часто кивает, на манер китайского болванчика, роняя изо рта малину.

– А сопли, значит, через порог? – недоверчиво уточнил бас.

– Так и висят, по всему крыльцу! – громко чавкая, истово заверил пискля.

Такой совет – недорого возьмет. И хотя в рассказе пискли у меня веры не было, меня всю распирало от любопытства: о каком таком неизвестном сопливом чудовище речь? И как, интересно, оно выглядит?

– Да как же мы тогда в избу войдем, ног не запачкавши? – брезгливо уточнил сиплый.

– А мы, Клим, в окошко, – хохотнул бас и уточнил у писклявого: – Из окна у нее ничего не свисает?

– Из окна вроде ничего, – виновато замялся тот.

– А то мы ей мигом все поправим, чтобы не свисало, – хвастливо просипел третий мужик и в знак серьезности своих намерений чем-то вскользь ударил по кустарнику, так что на меня посыпались листья и ягоды.

Не зря я решила затаиться: у незнакомцев просто руки чешутся извести чудовище. А за неимением чудовища и любой путник сгодится.

– Да ты, Сидор, продолжай, не отвлекайся, – поощрил бас.

– Титьки на крюку намотаны, – охотно подхватил писклявый, – сама зубы точит.

Его товарищи грянули хохотом.

«Свинья, что ли?» – предположила я. Вроде бы таких сказок не слышала.

– Как-как? На крюку? И большая она? – заинтересованно спросил бас.

– Кто? – не понял Сидор.

– Известно кто, – просипел Клим, – крюка!

– Исполинская! – с чувством произнес писклявый. – А зубы – во!

– Ты меня так не стражай, – поперхнулся бас. – Таких зубищ даже у медведя, которого я прошлым летом завалил не было.

– А у Яги есть! – прогнусавил пискля.

Я от удивления остоленела. Так вот о каком неопознанном сопливом чудовище речь! А кот-то заливал, что Василиса изображала опрятную добрую старушку, готовую помочь всем страждущим. Отойдя от изумления, я забилась в кусты – в свете последних известий обнаружение меня мужиками становилось крайне нежелательным.

– Баба-яга из угла в угол перевертывается, одной губой пол стирает, а носом трубу затыкает, – продолжал тем временем заливаться пискля.

– Ха-ха-ха, – расхохотался обладатель баса.

– Фу! – брезгливо просипел Клим.

Вдохновленный вниманием аудитории, пискля все вещал:

– Лежит Баба-яга, костяной ногой из угла в угол...

Гадости сыпались из него, как картошка из сетки, и я посочувствовала Василисе и одобрила ее маскарад. От таких просителей волком завоешь и еще не такой Хэллоуин устроишь. Молодец, Василиса! Решила, что нечего к Яге со всякой ерундой соваться, и настраивала дурачков. А кто по важному вопросу, того ничто не испугает – ни сопли километровые, ни зубы точеные. А вот по поводу бюста... при встрече надо спросить, как это у нее получилось!

Отвлечшись на свои мысли, я упустила момент, когда громовые раскаты сменились ожесточенным спором.

– И ничего смешного в том нет! – огрызался писклявый. – Старая карга – опасная и коварная, настоящая людоедка!

– Ну мной-то она подавится как пить дать, – с превосходством ухмыльнулся сиплый.

– Да мы ее саму в печи запечем и волкам скормим, – пообещал бас. – Только сперва поучим хорошенько!

В следующий миг над моей головой зазвенел воздух, на меня посыпались ветки, листья, в глаза брызнул малиновый сок. Смахнув влагу с ресниц, я чуть не завопила от ужаса: в нескольких сантиметрах от меня, изломав малиновый куст и оставив глубокую впадину в почве, опустилась богатырская палица – это басовитый детина показывал, как именно он собирается учить Бабу-ягу. Я закрыла рот ладошкой и вжалась подальше в кусты. Надеюсь, он не разнесет весь малинник!

– Много было охотников, – осадил удальца пискля, – да только теперь их головы на одиннадцати кольях вокруг избушки торчат. А двенадцатый – свободен!

– Так то ж для Яги, – хохотнул бас, – вот умница-разумница, заранее приготовила!

– Все-то у тебя, Фрол, просто, – ехидно заметил пискля.

– Делов-то! – беззаботно отмахнулся бас. – Вышибем дух из лиходейки да избу ее спалим. То-то благое дело будет!

Я с опаской вжала голову в плечи, опасаясь очередного удара палицы, но мужики лишь еще немного поломали кусты, обрывая малину, да посетовали на закончившуюся брагу. Оказалось, они в пути уже три дня, но никак не доберутся до избушки Бабы-яги, хотя писклявый Сидор уже не раз обещал им, что изба Яги вон за тем кустом, вон за тем дубом, вон за тем поворотом. Пообещав для острастки набить Сидору бока, если и сегодня они не найдут избу, мужики отправились в ту сторону, откуда пришла я. Сквозь плотно сомкнутые кусты я с тревогой наблюдала, как высокий широкоплечий Фрол, самый угрожающий из тройки, поигрывает тяжелой палицей, сбивая листву с деревьев и оставляя отметины на стволах. Рядом шагала крепыш Клим, лохматая голова которого доставала Фролу ровно до подмышки. В опущенной руке Клим волочил тяжелую дубину, оставляя за собой по земле ров из вырванных с корнем ромашек и трав. Тощий и сутулый мужик бежал впереди, угодливо заглядывая в глаза спутникам. Писклявый Сидор, а это, без сомнения, был он, напомнил мне шакалов из мультфильма про Маугли: те так же выслуживались перед Шер Ханом.

Наклонившись в сторону, я провела рукой по ямке, образовавшейся после удара палицы о землю, и, дождавшись, пока голоса стихнут, решительно вскочила на ноги. Надо было срочно предупредить ни о чем не подозревающих Ива, кота и избушку о непрошенных гостях. Сдается мне, что угроза Фрола и Климата придала Сидору ускорения и зоркости, и он больше не будет водить своих спутников кругами, скармливая им свои байки, а выведет напрямик к избушке Яги.

Стоит ли говорить, что я заблудилась? Когда я обиженно шагала прочь от избушки, то и не думала запоминать дорогу и обращать внимание на какую-нибудь приметную липу или ветвистый дуб, которые могли бы послужить опознавательным знаком по пути назад. К счастью, я нашла в себе силы вовремя признать свою промашку и не стала ломиться в чащобу, а вернулась обратно и нашла оставленный дубиной Климата след. По нему я без труда нагнала удалую троицу и пристроилась в хвосте, надежно скрытая от их глаз деревьями.

Топая на безопасном расстоянии, я глазела по сторонам в надежде, что меня осенит и я увижу знакомую тропку, которая приведет меня к избушке раньше этих троих. Визгливый голос Сидора разносился в лесной тишине, как досадливый комариный писк, забивался буравчиками в уши, заставляя выслушивать истории о Бабе-яге одна другой пакостней. Я морщилась и недоумевала, когда Яга-защитница и помощница, как о ней рассказывал кот, успела превратиться в коварную похитительницу детей, погубительницу богатырей и царевичей, настоящую вредительницу и, о ужас, людоедку? Хотя я еще в детстве поражалась, почему в одних сказках Яга – добрая старушка, которая молодцу, ищущему свою похищенную невесту, верный путь подскажет да волшебного коня в услужение даст, а падчерицу, отправленную злой мачехой в лес, поселит в своей избушке и, хоть сперва нагрузит домашней работой, зато потом и наградит щедро за трудолюбие и уважительное отношение. Другие сказки рисовали Ягу воплощенным злом. В них уже она сама была сообщницей Кощея в похищении Василисы и мечтала поджарить в печке какого-нибудь Ивашечку, украденного по ее велению гусями-лебедями. И, похоже, сейчас, попав в сказку, я была близка к разгадке этой тайны. Кто-то намеренно чернит честное имя Яги по неведомым причинам. А может, дело в другом? Василиса, игравшая роль последней доброй Бабы-яги, не вернется, а на ее место придет преемница со злым сердцем и шокирующими вкусовыми пристрастиями, которые и отразятся в знакомых мне с детства сказках?

– А Баба-яга зубами шелк, – доносился до меня голос Сидора, – и съела Лутонюшку.

Чем дальше я топала, тем больше крепла в мысли, что подпускать одержимых подвигов мужиков к избушке никак нельзя. Даже если я опережу их и предупрежу Ива и Варфо-

ломаю, что мы сможем предпринять? Один Ив против Фрола и Клима не боец. К тому же у Фрола – палица, у Клима – дубина, а у Ива даже меча нет. Да и детины с детства к рукопашной приучены, а рыцарю давали уроки фехтования, против молодецких кулаков он и раунда не простоят. При мысли о том, как кулачище Фрола раскрасит синяками совершенное лицо Ива, сердце тревожно сжалось. Нельзя допустить, чтобы троица дошла до избышки, никак нельзя!

Я набрала побольше воздуха и с криком «Ау, люди добрые!», ломая кусты, понеслась на опешивших мужиков.

Только сейчас мне представился шанс разглядеть любителей малины в лицо. Самым видным был Фрол – статный молодец с русыми волосами, стриженными под горшок, и наивным взглядом голубых глаз. Лицо Клима было похоже на пережаренный масляный блин с черными угольками глаз. В мордочке Сидора, оказавшегося самым старшим из троих, присутствовало что-то хищное и вместе с тем жалкое. Неспроста он напомнил мне шакала из мультфильма. Все трое были бородаты. У Фрола ухоженная борода кудрявится мягкими кольцами, у Клима всклокоченная растительность топорщится мочалкой. С подбородка Сидора крючком свисают три скудные волосины.

Я ждала, что Фрол, Клим и Сидор кинутся мне навстречу, назовут красной девицей, предложат свою защиту и станут набиваться в названные братья, но вместо этого мужики вытаращились на меня, как на привидение, и попятились.

– Поди ж ты, русалка! – в изумлении воскликнул Фрол.

– Ведьма! – в страхе просипел Клим, поднимая дубину.

– Упырь! – взвизгнул Сидор, прячась за их спины.

От такого теплого приема я резко затормозила и обиженно вскрикнула:

– Добры молодцы, вы чего?

– А ладная девка, – с восторгом протянул Фрол.

– Не смотри! – осадил его Клим и, поднявшись на цыпочки, закрыл товарищу глаза ладонью.

– Я в лесу заблудилась, – растерянно пробормотала я, – уж не чаяла дорогу найти. Брожу-брожу который час, тут – вы, я – к вам.

– Не слушайте ее, зачарует! – в панике пропищал Сидор.

– Изыди, ведьма! – Клим агрессивно выставил вперед дубину. – А то весь дух из тебя вышибем!

– Какая ж она ведьма? – визгливо возразил Сидор. – Вон весь рот кровью перемазан! Упыриха самая настоящая.

Я машинально коснулась ладонью губ – пальцы окрасились малиновым, и я неожиданно расхохоталась. Хорошо я малинку поела, раз меня теперь за вампира приняли! А мужики-то сами красавчики – все бороды в малине перепачканы, только на их растительности пятна не так заметны.

– Чур-чур-чур меня, ведьма! – тревожно заголосил Сидор, зажмурив глаза, втянув голову в плечи и по-козлиному тряся бородкой.

– Вы уж определитесь, – мирно посоветовала я, – ведьма или упыриха, а то показания разнятся.

– Ведьма она и есть – наглая, простоволосая, – презрительно процедил Клим.

– Чего ведьме в лесной чаще делать? Русалка это, как пить дать! – вмешался Фрол, уставший поглядывать на меня поверх ладони Клима, и решительно опустил руку товарища.

– Где ты здесь видишь реку или озеро, дурень? – не сдержался Сидор. – Упыриха это. Глаза-то разуй! Вишь, у нее одежда и руки в земле.

Я смущенно отряхнула сарафан. Как тут не изгваздаться в земле, когда столько времени по лесу кружила, да еще на земле сидеть пришлось, прячась от троицы в малиннике.

– А ногти-то, ногти, ты глянь, какие длинные, – тоном инквизитора продолжил Сидор. – Добрая девица скорее на собственной косе удушится, чем на людях с такими безобразными руками покажется.

Я стыдливо спрятала ладони за спину. Эти дикие люди ничего не понимают в современном маникюре! Впрочем, я и забыла, когда его делала в последний раз. Морская вода здорово укрепила ногти, и они выросли на загляденье длинными, а вот подпилить их было недосуг. На острове не до красоты ногтей было. Кто бы мог подумать, что ногти меня здесь так подведут! Ведь кот мне даже словечка о них не сказал! Что простоволосая – побурчал да затих, а я и внимания не обратила. Зато теперь каждая деталь моей внешности оценивается с точки зрения принадлежности к нечисти – дикие, дикие времена!

– Вот! – торжествующе заверещал Сидор, ткнув в мою сторону острым пальцем. – Видал – руки прячет! А под когтями-то у ней земляца. Сырая. Из могилы она выбралась – не иначе!

Сидор умел убеждать, а его товарищи не блистали сообразительностью. Поэтому Фрол и Клим крепче перехватили свои убийственные орудия – еще мгновение, еще словечко гнусного Сидора, и живой из сказочного леса я уже не выберусь. Бежать бесполезно – в физической силе и выносливости мужиков сомневаться не приходится. Оставался единственный способ убедить их в своей невинности, и я поспешила им воспользоваться: рухнув на землю, прижала колени к груди, как Аленушка с картины Васнецова, и зарыдала во весь голос.

– Бедная я, несчастная сиротка, – выла я, размазывая по щекам слезы. – С малых лет меня все обидеть норовят, но чтобы так... Чтобы ведьмой назвать... Чтобы русалкой... Чтобы упы-ре-о-ом! Бедная моя матушка, хорошо, что она не дожила до этого дня! Бедная я, бедная, была бы жива матушка, ничего бы этого не случилось. Меня – упыре-о-ом! А губы красные... это ж я малину ела... а меня сразу в упы-ри-и-и-и!

Моя истерика произвела должное впечатление: Фрол с Климом опустили дубину с палицей. Неугомонный Сидор проверещал что-то о коварстве ведьм и особенно упырей, но подзатыльник, полученный от Фрола, заставил его подавиться своим ядом. Подглядывая сквозь пальцы и продолжая сотрясаться от рыданий, я вдохновенно ныла про бедную сиротку, которую каждый обидеть норовит. Наконец Фрол, неловко топтавшийся на месте, подошел ко мне и виновато протянул:

– Слышь, девица, не плачь, обознались мы!

Для закрепления эффекта я выдала еще несколько душераздирающих стенаний о загубленной девичьей чести, но, кажется, перестаралась. Добрая душа Фрола не выдержала девичьих страданий, и молодец порывисто предложил:

– Женюсь, только не плачь ты так горько!

Я мигом поперхнулась очередным воем и в панике уставилась в бесхитростное лицо Фрола. А ведь с такого станется – женится!

– Не надо, – тоненько протянула я и, заметив тень в глазах Фрола, поспешно добавила: – Пригожий ты молодец, но я Ива... нушку люблю!

– Вот и ладно! – обрадовался Фрол и протянул мне здоровенную пятерню, помогая подняться. – А моя невеста – царевна Злата!

– А она знает? – вырвалось у меня.

– Пока нет, – посуровел Фрол. – Сперва подвиг такой совершить надо, чтобы мое имя на все царство прогремело. Вот разделаюсь с лиходейкой Ягой, а потом сразу в царский дворец – героем.

– С Ягой?! – испуганно вскрикнула я. – Чем же тебе бабушка не угодила?

– Чур меня! – заверещал за спиной Фрола Сидор. – Внучка Яги! Ведьма злющая, змея подколотная, людоедка подлая!

Я было раскрыла рот, чтобы выдать очередной вопль бедной сиротки, но, встретившись взглядом с мутными глазенками Сидора, передумала и погрозила ему кулаком:

– Да чтоб твой поганый язык отсох!

– Ведьма, ведьма! – заголосил Сидор, прячась за спину Клима.

А я испуганно закусил губу: вдруг мое пожелание гадкому Сидору возьмет и срывается, как раньше?

Но волшебство по-прежнему было мне не подвластно, в чем я убедилась, слушая мерзкие вопли Сидора. Даже Клим неодобрительно косился на писклю, а Фрол показал Сидору лучшее успокоительное средство – свой мощный кулак.

– Ты уж его прости, девица, беспокойный он у нас, – с виноватой улыбкой заметил Фрол.

– А чего он сразу ведьмой да упырем обзывается? – обиженно протянула я.

– Что взять с дурака, – широко улыбнулся Фрол.

«Действительно, что с них возьмешь», – подумала я.

– Ты откуда Ягу знаешь-то? – подозрительно поинтересовался Клим.

– Так я у нее жила, – выдала я, решив держаться своего первоначального плана разубедить Фрола и Клима в лживых байках Сидора и создать положительный образ Бабы-яги, помощницы и защитницы.

– Она тебя похитила! – переглянувшись, хором воскликнули Фрол и Клим.

– И в печи изжарить хотела! – вставил Сидор.

– Да вы что! – с укором вскрикнула я. – Как только в голову такое прийти может! – И, воспользовавшись растерянностью мужиков, вдохновенно затараторила: – Баба-яга меня как матушка родная приняла. Мачеха меня не чаяла со свету сжить, из дому в лес выгнала, чуть волки меня не съели. Но Бабушка-яга, спасительница моя, вовремя явилась, в избушке своей приютила. Я ей помогала чем могла...

– Ведьма-ведьма! – обрадовался Сидор. – Волшбой черной помогала!

Фрол с Климом цыкнули на товарища, а я, не обращая внимания, продолжала:

– В избушке прибрать, пирогов испечь, печь натопить – бабушке-то в ее годы уже тяжело со всем справляться.

Заметив взгляды, которыми обменялись Клим с Фролом, я поспешно исправилась:

– То есть она еще крепкая старушка, всем жару задаст!

– А я что говорю, людоедка она! – радостно вставил Сидор.

– Такого, как ты, грех не съесть! – не выдержала я.

– Костями подавишься, – гоготнул Фрол.

– И ядом отравишься, – поддержал товарища Клим.

Сидор затих и только злобно зыркал на меня колючими глазенками.

– В общем, Баба-яга – старушка хоть куда, за себя постоять сумеет, – убеждала я охотников за головой Яги. – А уж я ей так признательна была за заботу ее сердечную, что делала, что могла, чтобы ведение хозяйства ей облегчить, чтобы у бабушки было больше времени...

– Волшбой черной заняться да дитяток невинных в печке выпекать! – высунулся опять Сидор.

– Послушай, добрый человек! – вспыхнула я. – Ты так истошно чернишь Бабу-ягу, уж не отвергла ли она твои ухаживания на заре юности? Она сказывала, отбоя от ухажеров у нее не было.

Хохот Фрола с Климом громовым раскатом сотряс лес. Сидор побелел от злости и мелко затряс бородкой.

– Ох, умыла ты Сидора, девица! – со смехом заметил Фрол. – Как звать-то тебя, находчивая?

– Аленушка, – буркнула я.

Фрол с Климом мигом посерьезнели.

– Уж не та ли Аленушка, у которой Баба-яга братца в козленочка превратила? – насто-рожился Клим.

– Нету у меня никакого братца. И Яга никого в козлов не превращает! – с возмущением парировала я.

– Мало ли Аленушек в нашем царстве, – встрял Сидор. – Был козленочек, был, я точно знаю!

– Неужели это ты и был? Раз точно знаешь? – съехидничала я.

Сидор поперхнулся очередной гадостью и отвел глаза. А ведь, похоже, я права. У этого Сидора свой зуб на Бабу-ягу, чем-то насолила ему бабулька. Впрочем, винить в том он должен только себя самого. Сидор и ангела доведет. Будь я в ладах с магией, давно бы уже превратила его... да хотя бы в козленочка! Хотя какой он козленочек, в его-то почтенные годы?

– А не та ли ты Алена, которая в сердечных делах мастерица? – с надеждой спросил Фрол.

– Да как вы такое могли подумать! – рассердилась я. За кого меня тут принимают, за падшую женщину?

– Жаль, – взгрустнул Фрол, – сказывают, она путь к сердцу любой девицы чародейством сыскать может.

Я успокоилась. Стало быть, речь всего лишь о какой-то чародейке, промышляющей приворотами.

– Да не Алена та, а Любава, – вклинился Сидор и осекся, поняв, что сболтнул лишку.

– Вот Сидор точно знает, – загоготал Клим, – поди, не раз за приворотным зельем навещался. Ты у него расспроси, он подскажет.

– А и ладно, мне без надобности, – махнул рукой Фрол. – Лучший путь к сердцу девицы – совершить какой-нибудь подвиг. Вот я и совершу!

Детина воинственно воздел свою палицу, и я поежилась.

– Так чем, Аленушка, говоришь, Баба-яга занимается? – спросил будущий герой Лукоморья.

Я с готовностью перечислила все умения Яги, о которых рассказывал мне кот, и еще от себя кое-что наплела. Разлилась соловьем. По моим словам выходило, что без Бабы-яги в Лукоморье наступит конец света: начнутся голод, разруха и повсеместный мор, некому будет больных исцелить, женихов по следу похищенной невесты направить, падчериц от гонений злобных мачех оградить и справедливо вознаградить. Все Бабу-ягу любят, уважают и ценят безмерно.

– Сам Илья-богатырь на днях к Яге заходил и грозился любому, кто ее обидит, ноги повыдергивать, – добавила для верности я.

Угроза Ильи произвела сильное впечатление на Клима с Фролом, а Сидор с опаской оглянулся, будто бы Илья все это время сидел в засаде за листьями лопуха, а сейчас как выскочит, как выпрыгнет и вставит ему по первое число.

– А Сидор нам совсем другое рассказывал, – почесал косматую бороду Фрол.

– Верьте, верьте ведьмачке, которая у Яги долгое время прожила, она вам еще и не такого наговорит! – брызжа слюной, убивался Сидор.

– Да и по деревне слухи ходят... – в задумчивости произнес Клим.

– Братцы, – воспрянул духом Сидор, – вы же меня всю жизнь знаете. Кому вы поверите, мне или этой оборванке? – Он ощупал меня бусинками глаз и с подозрением заметил: – Что-то платье у тебя диковинное...

– Это мне Баба-яга подарила! – не растерялась я.

– Не больно-то она расщедрилась, – ехидно заметил Сидор. – Одежда самая что ни на есть простая, ни вышивки, ни украшений.

– Так Бабушка-яга в лесной глуши живет, откуда ей моду столичную знать? – возразила я в ответ.

Зря я это сказала. При словах «лесная глушь» Фрол с Климом сделали стойку и впились в меня взглядами.

– Веди нас к ней! – велел Клим.

– А мы на месте решим, хороша Яга или плоха, – поддержал его Фрол.

– Я дороги не знаю, – замотала головой я, – говорю же – заблудилась! С Бабой-ягой я вчера еще простилась, она меня домой с подарками отправила...

– И где ж твои подарки? – ехидно поинтересовался Сидор, красноречиво косясь на мои пустые руки. – Что-то не видать их!

– А я как поняла, что заблудилась, припрятала их в укромном месте. Дорогу-то налегке искать сподручней, – снова не растерялась я.

– Дурит она нас, братцы, дурит! – верещал Сидор.

– Вот что, – веско произнес Клим, – кто прав, а кто виноват, это мы у Яги решим. А сейчас надо дорогу искать. Ты, Сидор, говорил, что уже близехонько? Вот и не приставай к девице, веди сам. А то уж стемнеет скоро.

На мгновение в глазах Сидора промелькнула паника, и я воспрянула духом – пути он не знает. Но пискля, не будь дурак, с уверенным видом ткнул острым пальцем влево, в теряющуюся среди сосен тропинку.

Клим с Фролом оттеснили меня к тропинке, подразумевая, что моего мнения никто не спрашивает и отныне я продолжаю путь с ними.

– Только если он хоть словечко плохое о Бабулечке-ягулечке скажет, я за себя не отвечаю, – ласково предупредила я.

Но напрасно я думала, что это табу избавит меня от противного голоса Сидора. Помимо ужасиков о кровожадности Бабы-яги в арсенале сплетника имелись леденящие душу триллеры о злодеяниях Кощея, готические сказки о коварстве русалок, мрачные легенды о бесчинствах Водяного. Без устали болтая, Сидор шпарил по лесу со скоростью торпеды, Фрол с Климом не отставали, а я очень скоро выдохлась, и мои попутчики смирились с тем, что я плетусь в самом конце, то и дело присаживаясь отдохнуть.

Опустившись на очередной пенек, я едва не вскрикнула от радости. Чуть в стороне виднелись кусты малины, которой я лакомилась в самом начале пути, всего в нескольких минутах ходьбы от избушки Яги. Вон и ягода оборвана с одной стороны, и голубой лоскут на веточке висит. Надо же, а я гадала, когда умудрилась порвать сарафан! Убедившись, что путники увлечены рассказом Сидора о жестокой русалке, топившей в омуте только русоволосых парней по имени Иван, а сам Сидор уверенно уводит их в ложном направлении, я метнулась к кустам малины и что было сил бросилась вперед по тропке, которая будто сама стелилась под ноги, указывая верное направление.

– Явилась не запылилась, – приветствовала меня избушка. – Хотя очень даже запылилась, – добавила она, когда я подошла ближе. – Надо срочно баню истопить.

– Какая баня? – отмахнулась я. – Не до того сейчас. Как тут обстановочка?

– Без изменений, – доложила изба.

– Эти, – я покосилась на окошко, – там?

– А где же им быть?

– Могли бы сгонять в деревню за сметанкой и в лес за куропаткой, – хмыкнула я, вспомнив о своем пустом желудке. Хотя о чем я думаю, когда нужно срочно спастись?

С криком «Беда!» я ввалилась в горницу и торопливо рассказала о вооруженной троице, бродящей по окрестностям в поисках избы Бабы-яги.

– Нужно срочно отсюда убираться, – взволнованно закончила я.

– Воля ваша, – невозмутимо обронил кот. – Я не держу.

– Да нет же, опасность в первую очередь грозит избышке и тебе! – повторила непонятливому я. – Разве не ясно? Надо уходить всей избышкой и забиться куда-нибудь подальше в лес, где нас никто не найдет. Избушка, слышала? Подъем, направо, вперед!

– Никуда мы не пойдем, – лениво отрезал кот.

– Но как же... – всплеснула руками я.

– Двигаясь по лесу, изба наделает больше шума, лучше затаиться и остаться на месте, – рассудительно заметил Варфоломей. – Изба и так стоит в укромном месте, куда не всякий Сидор путь найдет.

– Ах так! – Я топнула ногой. – Но я не могу сидеть сложа руки и ждать, пока эти трое постучат в дверь.

– Вот и ладненько, вот и не надо, – обрадовался кот и, подбежав к сундуку, стоящему у печи, ловко открыл его и нырнул внутрь.

– Это кошачье убежище от агрессивно настроенных богатырей? – ухмыльнулась я. – Умно придумано!

Из сундука шлепнулся на пол тяжелый тряпичный мешочек, подняв в воздух белое облачко, а следом появился и сам кот, держа в зубах связку засушенных рыжиков.

– Шо смотришь? – промычал он. – Помоги!

– Это что? – Я в недоумении взяла в руки нанизанные на веревочку грибы.

– Это работа тебе, пирог печь будешь, – заявил кот, спрыгивая на пол. – Мука вот, – он кивнул на тряпичный мешочек. А потом нырнул под лавку и выкатил оттуда крохотное рябое яйцо неизвестной лесной птицы. – Куропаткино, – пояснил он, глядя на мое озадаченное лицо.

– Что-то я не пойму, что ты предлагаешь, – призналась я.

– Это не я предлагаю, это ты на правах хозяйки должна будешь предложить этим трем дурням пищу и кров.

Я опешила.

– Да они Ягу убить хотят, а избу – спалить. А ты печешься, чтобы они были накормлены?!

– Удальцы твои только на словах Ягу отделать горазды, – сощурился кот. – А как придут, как избышку увидят, так сразу разленятся, начнут требовать, чтобы ты их накормила, напоила, спать уложила. В общем, ты меня поняла? Не накормишь гостей, пеняй на себя!

– Что ж, смысл в этом есть, – усмехнулся Ив. – Находившись по лесу и отведав сытного обеда, они без сил повалятся по лавкам, и им уже не до подвигов будет.

Вот ведь предатель!

– Даже если я что и напеку, как я перед ними предстану? – возразила я. – Они ж меня в лесу видели!

– Ничего, Василису в Ягу превратил и из тебя Ягу сделаю, – обещание кота прозвучало как угроза. – А ну живо к печи!

Пирогов я не пекла ни разу в жизни, рецепта мне кот не подсказал, пришлось действовать наобум, припоминая кухонные посиделки с мамой и кулинарные шоу, которые я изредка смотрела, если в гостях были мои любимые артисты. Стоит ли рассказывать, что мука сыпалась в глаза и мимо стола, тесто не месилось и липло к рукам, кот открыто посмеивался, а Ив с жалостью наблюдал за моими попытками приготовить пироги. Вредный кот не помог даже печь разжечь. В результате я вся измазалась в саже, как Золушка, подпалила прядь волос, обожгла пальцы, но с операцией «Печь» все-таки справилась, заставив избышку расчихаться

и выпустить из трубы дымок. Разложив криво слепленные пироги на противне и отправив их в печь, я в изнеможении опустила на лавку.

– Знаешь, Варфоломей, если бы тебя не заколдовали раньше, то я бы за вредность твою тебя точно хвостом и усами наградила!

– Это кто ж меня заколдовал-то? – усмехнулся кот.

– А ты разве не человек заколдованный? – Я пристально глянула на него.

– Скажешь тоже, – Варфоломей тряхнул ушами. – Я урожденный кот.

– А говорящий почему?

– Много будешь знать, скоро состаришься, – солидно ответил он и спросил у избушки: – Избушка, как там в окрестностях? Не видать гостей?

– Тихо, Варфоломеюшка, – доложила обстановку изба. – Не видать никого. Тишь стоит – листок не шелохнется.

– Значит, намнут сегодня Сидору бока, – не удержалась от злорадства я.

– Значит, Лешему в ноги кланяться нужно – отвел беду, – заключил кот.

– Расскажешь, что дальше с Василисой было? – попросила я.

– Так уж и быть, – с притворной неохотой согласился кот и продолжил прерванный рассказ с того момента, как в избушке Бабы-яги появился жених Василисы.

Василиса

– Здравствуй, бабушка, – приветствовал Ягу Чернослав, входя в горницу.

Кот с любопытством рассматривал гостя. Правду сказывала Василиса, описывая жениха статным и пригожим. И чем, спрашивается, суженый ей не угодил? Высок, силой не обделен, одет богато, ладно. Круглолицый, чернобровый, кудри вьются черными кольцами у смуглого лица. Видать, на красном солнышке много времени проводит. А очи не синие, что васильки, как у богатырей, которые в поисках пропавших невест к Яге прежде являлись, а черные, как дикая слива, что растет у холодного озера. Не зря родители Чернославом нарекли: ничего светлого в облике Василисиного жениха нет. Только зубы блестят белой полоской жемчуга, да рубаха бела, что сметана. При мыслях о сметане кот затосковал, припоминая, когда последний раз он лакомился жирными деревенскими сливочками.

Василиса же сидела, словно набрав в рот воды, и кот чуть выпустил коготки, призывая Ягу ответить гостю.

– Зашем пожаловал, добрый молодец? – прошамкала Василиса.

Кот, нервно подергивая хвостом, с тревогой наблюдал за Чернославом. Но тот никаких признаков узнавания не выказывал, как подобающее восприняв и облик Бабы-яги, и ее голос, и Варфоломей расслабился, похвалив себя за смекалку. Испокон веков к Яге приезжали добры молодцы в поисках похищенных и пропавших невест, жен или сестер. Баба-яга направляла их по верному пути, давала совет, как одолеть злодея-похитителя и вызволить зазнобу. За тем же прибыл и Чернослав. Меньше всего он ожидает найти пропавшую невесту в избушке Бабы-яги, а значит, обмануть его не составит труда.

– Беда у меня, – отрывисто сказал Чернослав, подтверждая мысли кота, – невесту мою нареченную, Василису Премудрую, похитили из отчего дома.

Как ни старалась Василиса вжиться в образ Яги, при упоминании своего имени подавилась мякишем и закашлялась. Варфоломей еще глубже вонзил коготки, и кашель перешел в утробный стон.

– Бабушка, ты что? – вздернул брови Чернослав.

– Кхе-кхе, – откашлялась Яга, – ждоровье уже не то, што в молодости. Так што, говоришь, ш твоей невестой?

– Похитили, – нервно повторил Чернослав, глядя в пол. – Весь царский двор усыпили колдовством злодейским, а когда оно развеялось, Василисы не нашли.

Василиса с котом на пару озадаченно примолкли. Выходит, ее бегство из дома родители расценили как похищение? А чародейство, совершенное Василисой, приписали неведомому колдуну? Так это же...

– Жамешательно! – каркнула Яга.

– Что замечательно? – Чернослав нахмурил брови и склонил голову. Черные как угли очи молодца встретились с зелеными кошачьими, блестящими из-под лавки. Варфоломей вздрогнул – словно в студеную январскую прорубь провалился. Яга всегда говорила, что глаза – окна души. У самой Яги они были бездонным колодцем, хранящим на дне вековую мудрость хозяйки. У Василисы очи, что летнее озеро, – прозрачные, ясные, ласковые. У молодцев, прежде приходивших в избушку за советом, глаза были подобны грозовому небу и отражали кручину, разъедавшую сердце. А у Василисиного жениха глаза были черные, как угли в бабкиной печи, и притом ледяные, как вода в январской проруби.

– Жамешательно, што ты приехал ко мне, голуба! – прошамкала Баба-яга.

– Значит, ты знаешь, где Василиса? – Чернослав так и подался вперед.

– Как же не жнать? – уверенно выдала Яга. – Баба-яга все жнает, все примешает.

– Уж я тебя, бабушка, одарю, уж я век не забуду! – поклялся Чернослав.

– Кошей, – прошамкала Яга, и кот от неожиданности выпустил когти. – Уй!

– Что? – не понял Чернослав.

– Кошей – тот жлодей, што твою жажнобу похитил, – убежденно сказала Яга.

Весть Чернослава не порадовала. Он как-то весь поник и посерел лицом. Василиса же, напротив, приободрилась и похвалила себя с правильным выбором. «Закручинился, касатик, – с ехидством отметила она, глядя на горе-жениха. – Оно и понятно, кому охота связываться с самым страшным колдуном Лукоморья?»

– Ты верно знаешь? – хмуро переспросил Чернослав. – Не путаешь, старая?

– Я хоть и штарая, – оскорбилась Яга, – да умом покрепше молодых буду. Вернее не бывает. У Кошей твоя Ващилица.

Кот под лавкой шевелил ушами, стремительно соображая. Сейчас Чернослав спросит, как найти дорогу к замку Кошей, да велит открыть ему средство, как колдуна одолеть, да Василиса сама о том не ведает, ведь настоящая Яга про Кошей ей ни словечком не обмолвилась. Дался же ей сейчас сам Кошей, не могла кого другого назвать! «Ой погорим», – беспокоился Варфоломей, когда неожиданно Чернослав встал с лавки и, кинув на стол тугой кошель, стремительно вышел вон.

Василиса, забыв про образ дряхлой старухи, метнулась к окну, сверкнув красными сафьяновыми сапожками. Кот утробно мяукнул – что же ты, хозяйка, творишь?!

– Уехал, – не веря себе, выдохнула Василиса, проследив, как вооруженный отряд скрылся с глаз, и сглотнула остатки мякиша, комом ставшие в горле. – Уехал, Варфоломешка!

Она подхватила кота на руки и благодарно прижала к груди.

– Уехал! Не признал! Поверил! Ведь он поверил, как думаешь? – Она пытливо уставилась в кошачьи глаза.

– Поверил, поверил, – проворчал кот, вырываясь и спрыгивая на дощатый пол. – Скажи мне только, зачем ты Кошей оговорила?!

Василиса испуганно ойкнула.

– А что, нельзя? Но ведь так складно получилось... Мой побег восприняли как похищение, а всем известно, что девиц в наших краях крадут или Змей Горыныч или Кошей. Змей ворожить не умеет, а Кошей тем и знаменит.

– И не жалко тебе жениха? – мякнул кот. – Погубит ведь его Кошей.

– Хорошо бы, – кровожадно сверкнула глазами Василиса. – Только надежды на то мало. Не сунется к нему Чернослав. Видел, как он разом поник? Нет, не поедет Чернослав меня вызволять, своя жизнь ему дороже. Авось забудет про меня совсем.

...И тут раздался оглушительный стук в дверь, и избушка покачнулась на курьих ножках, возмущенно хлопнув ставенками.

– Ох, виновата! – донесся приглушенный голос избушки из топившейся печки. – Варфоломеюшку-баюна заслушалась, проглядела незваного гостя!

– Может, сделаем вид, что никого нет дома? – шепотом предложила я.

– У Бабы-яги всегда все дома! – с достоинством парировал кот.

От требовательного стука в дверь избушка ходила ходуном и повизгивала:

– Ох, супостат! Вот злодей!

– Может, постучит да перестанет? – предположила я.

– Кто там? – спросил у избушки кот.

– Кузьма! – кряхтя, отозвалась избушка.

– Этот не отстанет, – проворчал кот, а я в панике покосилась на пакет с маскарадным костюмом Бабы-яги.

– Не успеешь, – озвучил мои опасения Ив.

– Того и гляди, дверь с петель снесет, – с беспокойством заметил кот.

– Я сейчас ему снесу! – пригрозил Ив и шагнул к сениям.

– Стой! – Я схватила его за рукав. Куда, спрашивается, лезет, не зная ни одной русской сказки? – Я сама!

Варфоломей что-то мяукнул, но я уже вышла из горницы, быстро пересекла сени и распахнула дверь. Гость, настырно настукивающий по ту сторону, не устоял на ногах и слетел с крыльца, подняв в воздух целое облако пыли.

– Меня, добра молодца, с крыльца спускать! – вопило, чихало и фыркало облако. – Готовься к смерти, премерзкая старуха!

С этими словами молодец наконец поднялся на ноги, нахлобучил на лоб шлем, который явно был ему велик, и взглянул в глаза обидчице. После чего сделал козью морду и с пренебрежением выплюнул:

– Ягу зови, чернавка!

– Кто? – опешила я. – Это я чернавка?

Этот сморчок меня за самую низшую служанку принял?

– Чернавка ты и есть, – высокомерно задрал нос, продолжил незваный гость. – Платьем проста, лицом черна...

Я машинально потерла щеку рукой, ожидая увидеть на ней сажу, – наверное, запачкалась случайно. Но рука была чистой, золотистой от свежего загара.

– А телом-то как тоща, – продолжил издеваться «сморчок» – парнишка лет шестнадцати с рыжими вихрами, в беспорядке торчавшими из-под шлема. – Ишь как Яга тебя гоняет, сердечную, совсем уморила трудами непосильными, одна кожа да кости в тебе остались. Кто ж на тебя польстится, горемычную?

– Я, например, – выступил из-за моей спины Ив.

– Чур меня! – вытаращился Кузьма. – Королевич заморский!

Я аж поперхнулась от обиды. Как я, так, значит, – чернавка? А как Ив – королевич заморский? Не иначе как благородного происхождения и загаром не скроешь, раз даже такой кулема, как Кузьма, в рыцаре аристократа признал.

– Тебя тоже Яга пленила? – обрадовался Кузьма. – Я ей вмиг голову с плеч снесу и вызволю тебя и... – Он с явным недоумением покосился на меня. В глазах его ясно читалось:

как же тебя, чистокровный королевич, так угораздило, горемычный? – И невесту твою, – с трудом выговорил он.

– Это чем же тебе так Яга не угодила? – неприязненно поинтересовалась я.

– Колдунья она преме́рзкая, людоедка ока́янная, ведьма коварная, – в сердцах сплюнул рыжий.

– Так мою маменьку еще никто не оскорблял, – с угрозой выговорила я.

– Маменьку?! – Мальчишка выпучил синие глаза. – Ты – дочка Яги?

– Так и есть. – Я кивнула, на всякий случай шагнув поближе к Иву. Кто знает, что у этого деревенского дурачка на Уме. Вдруг он перед всем селом поклялся известить не только Ягу, но и всю ее родню до пятого колена? И с чего мне только взбрело в голову назваться дочкой Бабы-яги? Впрочем, что еще оставалось, когда в звании царевны мне резко отказали?

– Так какие, говоришь, разногласия у вас возникли с моей тещей? – притворно нахмурился Ив.

Кузьма ахнул и вытаращился на Иву глазами, полными сочувствия. Мало того, что жена такая убогая, так еще и теща – сама Баба-яга!

– А она сама тут? – с опаской поинтересовался мальчишка, запоздало сообразив, что один против Яги, ее дочки, по всей вероятности, тоже колдуньи, и заморского царевича он не воин.

– А где же ей быть? – уверенно ответил Ив. – Позвать?

– Не надо! – Мальчишка так отчаянно тряхнул головой, что шлем слетел и укатился прямо под ноги избушке.

Кузьма с тоской покосился под крыльцо, попрощавшись со шлемом. При этом лицо его так посерело, что я заподозрила, что шлем взят тайком у богатыря, доверившего Кузьме стеречь свою поклажу. И когда богатырь заметит пропажу, мальчишке не поздоровится. Избушка шлем, конечно, не вернет – захочет отомстить Кузьме за то, что он чуть дверь с петель не снес. Сжалившись над заморышем, я погладила избушку по двери и попросила:

– Верни шлем.

Избушка заходила ходуном, вероятно, изображая, что готовится усесться на землю и превратить богатырский шлем в блинчик. Кузьма еще больше посерел, потом вытаращил глаза и резво прыгнул вверх – это избушка со всей силы пнула шлем в мальчишку. В прыжке Кузьма поймал шлем, но силы были неравны – шлем как снаряд унес его в лес, ломая деревья и сучья. Лес наполнился треском, воплем летящего Кузьмы и гомоном потревоженных птиц. Я уважительно похлопала избушку по бревенчатой стене:

– Тебе бы на чемпионате мира по футболу штрафные забивать! За такого мощного игрока передрались бы все легендарные футбольные клубы!

Избушка довольно закудаhtала и потребовала разъяснений, но описать ей самую популярную игру моего мира я не успела: из сеней вышел кот и осуждающе мяукнул.

– Совсем крыша поехала?! На дрова пуцу!

Избушка виновато прикрыла ставенки.

– Мало того что Леший придет возмущаться, что лес курочим, – ворчливо заметил кот, – так еще и богатырь этот недоросший всем станет рассказывать, как его Баба-яга метлой отходила. А в качестве доказательства свои синяки да шишки, о дубы да ели набитые, предъявит.

– Я не подумавши, – повинулась избушка.

– Да когда ты думала? – в сердцах отозвался кот. – Тебе от курицы даже мозги не достались – только ноги.

Такого оскорбления избушка не стерпела – сердито хлопнула входной дверью, прищипив Варфоломею кончик хвоста. Кот взвыл дурным голосом, мы с Ивом бросились на помощь и не без труда вызволили хвост из заклинившей двери.

– Да я! – вопил кот, воинственно топорща усы. – Да ты! Да мы с Ягой тебя в курятнике нашли, от помета отмыли. А ты – хвосты прищемлять! Курица деревянноголовая!

– Фу-ты ну-ты! – не оставалась в долгу избушка. – Ишь ты, как заговорил! Да я для вас! И зимой и летом! Последнее тепло отдаю! Лишь бы Ягусе с Варфушей хорошо было!

– Все, все! – вмешалась я. – Брейк!

– Брехун! – услышав что-то знакомое, радостно подхватила избушка.

– Развалюха на курьих ножках! – не остался в долгу кот.

– Это кто еще развалюха? – оскорбленно возопила избушка. – Да ко мне Горыныч в прошлом году свататься прилетал, али забыл?

– Да Горыныч тогда в Хмельной речке искупался, полреки осушил! – ерничал кот. – Он бы и вековой дуб просватал. Что-то Змей, как протрезвел, стал нас стороной облезть. Не иначе, опасается, что ты его под венец потащишь!

– Да нужен он мне! – раскудахталась избушка. – Я избушка свободная, к вольной жизни привыкшая.

– Как же, как же! – распалялся Варфоломей. – Поди, забоялась, что муженек, когда не в настроении будет, как дыхнет на тебя жаром, так одни угли останутся?

– Нет, ну вы еще подеритесь! – всплеснула руками я. – Да что на вас нашло! Варфоломей! Избушка!

– Курица общипанная!

– Кот драный!

– Это я-то драный?! – разъярился кот, вонзая когти в бревенчатый избушкин бок. – Вот я тебе покажу!

– Ух, я тебя сейчас... отфунболю! – взбесилась избушка и приготовилась исполнить второй мастерский бросок, на этот раз используя в качестве шлема вредного кота.

О Кузьме, заброшенном в лесную чащу, мы уже давно забыли и бросились отдирать кота от избы, как вдруг налетел сильный порыв ветра, лес загудел, заскрипел, и на полянке раздались тяжелые шаги.

Кот притих, и Ив, воспользовавшись моментом, рванул его к себе, так что из-под когтей Варфоломея только щепки полетели. Избушка взвизгнула, а потом ойкнула и замерла на месте. Я обернулась в предчувствии недоброго.

На полянке перед крыльцом стоял экзотического вида молодой мужчина, напоминающий Тарзана, только выросшего не в джунглях, а в русском лесу. Пепельные с зеленцой волосы скручены жгутами и, топорщась в разные стороны, доходят до плеч. Во всклокоченной шевелюре то тут, то там виднеются цветы ромашки и зеленые желуди. Лицо словно рисовала сама природа: глаза синие, как васильки, искрились весельем, губы красные, что спелая лесная земляника, обещали сладость поцелуев, кожа слегка мерцает, словно вобрала в себя полуденный солнечный свет, и ее так и хочется коснуться рукой, чтобы проверить, не сотрется ли позолота, не опалит ли солнцем. На загорелом теле всего и одежды, что набедренная повязка из кленовых листьев и лопухов. Зато какое тело! Плечи сильные, натренированные тяжелой работой. На бронзовой груди переливаются бисеринки пота, что капельки росы. Во всем его облике чувствовалась какая-то непокорная сила, а в глазах отчетливо читался вызов.

– Леший, – ахнул кот и прошипел, обращаясь к притихшей избушке. – Ну все, аукнулась тебе порча лесных угодий в особо крупных размерах!

– Так я ж того, – воробушком пискнула избушка, – не хотела.

– И что здесь происходит? – раздался звучный голос Лешего.

– Да мы тут избу делим в отсутствие Бабы-яги, – неожиданно для самой себя брякнула я. – Коту – бревна, мне – печку, ему вот, – кивок на Ива, – куриные ноги на бульон.

Избушка так и брякнулась на землю, втянув в себя окорочка раздора. Крыльцо, на котором мы стояли, постигла та же участь, и все трое – я, Ив и кот – полетели вниз. Кот шмякнулся на землю с протяжным «мя-я-у!», Ив – с глухим стоном. А я с тихим «ой!» очутилась в сильных руках лесного красавца, каким-то чудом успевшего подхватить меня. Леший пах земляникой и ромашками, дубовыми листьями и полевыми травами, утренней росой и нагретым деревом, цветочной пылью и диким медом... От дальнейшей ароматической дегустации меня отвлекло деликатное, но ревниво-напряженное покашливание рыцаря. Леший опустил меня на ноги и пристальным взглядом оглядел всю нашу компанию.

– Избушку поделите потом, – наконец молвил он. – Сколько полянок, негодница, вытоптала! Давно ее пора по бревнам разобрать.

Позади нас раздался грохот, и в воздух взлетела пыль. Изба не видела смешинки в глазах Лешего, а слышала только напускной гнев в его голосе, и приняла все за чистую монету. А потому выпростала ноги из-под пола и плашмя повалилась на заднюю стенку, так что курьи ножки задрались к небу. Раздался звон посуды, из трубы повалил густой дым.

– Вот курица! Того и гляди, дом спалит! Да и горшки опять менять! – сердито завопил кот. – Куриные ноги – воробьиные мозги!

– Воробушков не обижай, – с напускной строгостью осадил Леший.

– Прошу прощения, – схватился за голову Варфоломей.

– Прощаю, – великодушно кивнул Леший и покосился в сторону избушки: – Оклема-ется?

– А куда денется? Иначе я ее, бестолковую, в топку отправлю! – пригрозил кот и припустил в сторону избы. – Пойду печь проверю, а то как бы пожар не начался.

Хватило и пары ласковых «мяу», чтобы избушка прыжком поднялась на ноги, перемялась с ноги на ногу, выстраивая равновесие, спустила ступени и распахнула дверь. Кот пулей влетел внутрь и принялся наводить порядок, гремя осколками посуды, а хозяин леса вновь переключил внимание на нас.

– Простите нас за Кузьму, – оробев под его пристальным взглядом, выдавила я.

– Вы и кота уже переименовали? – усмехнулся Леший.

– Я про того парнишку, которого избушка в лес закинула, – сконфуженно уточнила я.

– Да уж, бросок получился знатный. – Леший строго сдвинул брови. – Наломал парнишка дров – двух берез как не бывало, вековой дуб нижней ветви лишился.

Я виновато притихла. Читала я книжки, в которых Леший за порчу лесного хозяйства калечил дровосеков, охотников и простых путников: за каждую сломанную ветку у человека руку отнимал.

– Ну да это не беда. – Леший тряхнул головой, и с его волос слетели лепестки ромашек и пара желудей. – Сказывайте скорей, куда Василиса делась.

– Пропала, – хором доложили мы.

– Знаю, – нахмурился Леший. – Со своей стороны могу сказать, что все леса на своем пути она благополучно миновала. Я ее провожал до самого последнего пролеска, от которого рукой до Златограда подать, а там Василиса на торговый путь вышла да вслед за купеческим обозом к городу пошла. Далее уже не мои владения.

– Да это здорово сужает поиски! – оживился Ив. – Говорите, рукой подать до города? Значит, там ее и надо искать.

– А про торговый путь ты слышал? – не разделяя его энтузиазма, уточнила я. – Что, если Василиса не дошла до города? Что, если ее раньше похитили?

– Похитили? – посерел лицом Леший.

– А почему бы нет? То, что она Баба-яга, конечно, никому не ведомо, – рассуждала я. – Но по описаниям кота она девица видная, красивая к тому же. Проезжали мимо какие-нибудь дикие татары-монголы, на блондинок падкие, хватъ – и нету девицы.

- Ты забываешь одну незначительную деталь, – вмешался Ив. – Даже две.
- Какие же? – удивилась я.
- Во-первых, Василиса ушла из дома переодетой в мальчика.
- Перед городом она могла и принарядиться! – парировала я.
- Она не собиралась привлекать к себе внимание, – напомнил Ив.
- Могла и передумать! – не сдавалась я.

Ив покачал головой и выдвинул второй аргумент:

– Во-вторых, Василиса – волшебница. Посмотрел бы я на того, кто решился ее похитить! Твои татары-монголы, дерзны они ее и впрямь похитить, сейчас бы уже горько раскалялись в содеянном, носясь по полям в облике коней.

– Скорее – ишаков, – хмыкнула я, но так просто сдаваться не собиралась. – А если среди них был черный чародей, который Василису волшебной силы лишил?

– А вот в этом уже есть смысл, – задумчиво произнес Ив, – в противном случае Василиса уже давно бы вернулась домой или хотя бы подала о себе весточку.

– А если она не хочет? – выпалила я и прикусила язык под ледяным взглядом Лешего.

– Что ты сказала? – раздался за спиной вкрадчивый голос кота.

– Что, если она не хочет возвращаться? – уже менее уверенно предположила я. – Что, если она увидела родных, открылась им, вернулась в семью и поняла, что ее бегство было ошибкой? Что, если она больше не хочет быть лесной отшельницей, а желает жить в царском тереме, выйти замуж, родить детей? А что? – Я стушевалась под тяжелыми взглядами кота, Лешего и Ива. – Нормальное женское счастье.

– Боюсь, что... – со вздохом начал Ив.

– ... в этом случае... – бесстрастно продолжил Леший.

– ... тебе придется занять ее место, – жестко закончил кот.

– Никогда! – похолодела я. – Так, немедленно начинаем операцию по возвращению Василисы в избушку. У кого какие предложения?

– Я готов оказать любую помощь в пределах моих владений, – с готовностью откликнулся Леший.

С учетом того, что большая часть Лукоморья покрыта лесами, мощная поддержка!

– Спасибо, – искренне поблагодарила я, – нам она очень пригодится.

– И по поводу похищения Василисы с торгового пути, – добавил Леший. – Это исключено. На своем пути похитители обязательно бы проезжали лес, и мне бы про то стало ведомо.

– Значит, Василиса все-таки в городе, – подвел итог Ив.

– И вернуть ее нужно как можно скорей, – озабоченно добавил Леший. – Что-то неладное началось после ее исчезновения. Люди на Ягу ни с того ни с сего озлобились, зовут ее злой ведьмой и людоедкой, обвиняют в похищении детей. Сколько я за последнее время разговоров о том наслушался – не сосчитать! А скольких вояк с палицами да дубинами с верного пути сбил, дорожки перепутал, не дал им до избушки Яги дойти? Ведь все Яге смертью грозили. Вот и сегодня троих мужиков кружил-кружил по лесу... – Леший многозначительно взглянул на меня, и я покраснела, поняв, что он все время был незримым свидетелем реалити-шоу «Я не ведьма, не упырь, а бедная сиротка». Наверное, и дорогу к дому Яги мне подсказал он, обратив мое внимание на малинник с лоскутом сарафана.

– Не всех сбил, – ворчливо заметил Варфоломей. – Илья намерен навевывался, Кузьма опять же.

– Недоглядел, – виновато понурился Леший.

Прежде чем попрощаться, он вытащил из кустов на опушке припрятанный там пенек с диким медом (пенек, выдолбленный изнутри, прекрасно заменял бочку) и сложенную кулем бересту, полную спелых ягод лесной малины. От души поблагодарив засмущавшегося

Лешего, я подхватила бересту с ягодой, Ив взялся за пенек, и под ворчание кота, который горевал о сметанке, которая в лесу не растет, мы вернулись в избушку.

О беспорядке, который избушка учинила своим падением, напоминали только глиняные черепки, сметенные котом в угол, да сбившиеся половики. В остальном Варфоломей успел привести горницу в привычный вид. Или избушка уже научилась падать так, чтобы причинять минимум вреда хозяйству.

Втянув ноздрями воздух, я поспешно положила бересту с малиной на стол и кинулась к печи. Из-под заслонки вырвалось облачко горелого воздуха, и я, отфыркиваясь, достала противень с беспорядочной грудой безнадежно испорченных пирогов. Сырые внутри, сверху они покрылись толстой черной коркой. Отведать их не осмелился бы и Робинзон Крузо, проводивший на необитаемом острове три долгих года.

– Это все из-за избушки, – буркнула я. – Если бы ей не вздумалось валяться в процессе приготовления, пирожки бы удались на славу. Нарушила весь процесс, понимаешь.

Кот с Ивом скептически переглянулись, и рыцарь вынес противень с неудавшимся кулинарным шедевром на улицу.

– Что ж, будем трапезничать чем Леший послал, – заключил кот, снимая лист лопуха с пенька с медом, стоящего на столе. Медовый аромат перекрыл запах горелого и волнующе зашекотал ноздри.

Пока мы с Ивом доставали деревянные ложки и дубовые миски с кружками – единственную посуду, уцелевшую после избушковаляния, – кот вытащил из сундука какую-то пеструю ветошь и принялся деловито расстилать ее на столе.

– Еще страшнее скатерки не нашлось? – не удержалась я.

Кот обиженно сверкнул глазищами и уселся на скамью во главе стола. Мы с Ивом опустили на лавку сбоку.

– Ну что, отведаем лесных угощений? – поторопила сотрапезников я, зачерпывая горсть малины и отправляя ее в рот.

Ив последовал моему примеру. Кот не тронулся с места, глядя на нас голодными глазами.

Несколько минут мы молча опустошали бересту с малиной и миски, наполненные медом, запивая сладость родниковой водой, после чего я с тоской протянула:

– Эх, сейчас бы маминых щей!

– И утку, запеченную с яблоками, – мечтательно добавил Ив.

– А мне – сметанки, да побольше, да погуще! – властно велел кот, как будто диктовал заказ в ресторане.

В то же мгновение ветхая скатерка взмыла вверх, словно расстилаемая невидимой хозяйкой, вместе с ней взлетела в воздух посуда и береста с малиной. Я рванулась было за берестой, испугавшись, что ягода рассыплется, да так и застыла: и посуда, и береста повисли в воздухе. Всего лишь на какое-то мгновение. В следующий миг скатерть уже вновь опустилась на стол, а на ней стоял серебряный поднос с уткой, запеченной до золотистой корочки. Посуда и береста, с которой не упало ни одной ягодки, плавно опустились следом.

– Не верю своим глазам! – выдохнул Ив. – Утка точь-в-точь как в моем замке. А поднос! – Он ткнул пальцем в голограмму по краю: – Это же герб нашего рода!

Я же в полном онемении смотрела на стоящую передо мной глубокую белую тарелку с розовым цветочком на краю. Эта тарелка была моей любимой, и она была полна наваристых ароматных маминых щей с фасолью.

– Держи! – Щедрая ложка сметаны плюхнулась в мою тарелку, выводя меня из оцепенения. Я подняла глаза. Кот с наслаждением вылизывал остатки, прижимая к сердцу глиняную миску.

Ив пожирал голодными глазами утку и, страдая от отсутствия столовых приборов, не решался ее попробовать.

– Не стесняйся, – толкнула его в бок я. – Здесь все свои.

– Отведай первый кусочек, – великодушно предложил он.

Я хмыкнула: меньше всего рыцарь сейчас боялся отравиться. Ему просто надо подать пример! Я отломил кусочек нежного мяса и отправила себе в рот.

– Мм... объедение!

Ив, мгновение поколебавшись, придвинул поднос ближе и набросился на дичь, восторженно восклицая:

– Эту утку мог приготовить только наш повар Стью! Я как будто домой попал!

Я за обе щеки уплетала мамины щи. А ведь действительно – мамины! И тарелка моя, домашняя. Вот это скатерть-самобранка! Выпрашивая ее у кота, я рассчитывала на местную кухню, представляя каравай, каши, пироги, яблоки, квас, а скатерка каждого гостя его любимой едой угощает, из какого бы мира он ни явился. Ива потчует вессалийской пищей, меня – домашней маминой, кота – привычной деревенской.

– А говорил, что нету скатерти-самобранки, – укорила я кота, отставляя в сторону пустую тарелку, которая тут же исчезла. – Издевался, да? Тесто заставил месить, пироги печь.

– Без труда и ложка щец не вкусна! – назидательно изрек кот, вылизывая миску со сметаной. После чего велел: – Добавки!

Миска на глазах наполнилась густой сметаной. Эх, объедаться так объедаться!

– Салат «Цезарь», – представив салат из любимого ресторана, возмечтала я.

Скатерка думала дольше, чем в прошлый раз, но с поставленной задачей справилась. Слева от меня в воздухе возникла большая тарелка и плавно опустилась на стол. Обрадовавшись, я схватилась за деревянную ложку и озадаченно замерла, переводя взгляд с ложки на листья салата и кусочки курицы на блюде.

– А нож с вилок нельзя? – осмелев, попросила я.

Скатерка еще раз зависла, обдумывая необычный заказ, и добыла-таки привычные мне столовые приборы. Вилка и нож, словно разложенные услужливым официантом, опустились по бокам от тарелки. Я с ликованием набросилась на салат.

Ив посмотрел на меня с укором, поспешно вытер руки, испачканные в утином мясе, и запоздало потребовал приборы. При виде серебряных ножа и вилки производства Вессалии я даже не удивилась.

Свой пир мы закончили моими любимыми десертами. Себе я заказала тирамису, а Ива подбила отведать мороженое. На мороженое соблазнился даже кот, к тому времени умявший три миски сметаны. Ванильный пломбир привел Варфоломея в полный восторг.

– Вкуснотища! – млел он. – Теперь каждый день его есть буду.

– Только осторожней, – предупредила я. – Так и простудиться можно.

– Я свою меру знаю, – тоном заядлого алкоголика ответил кот, жадно вылизывая шарик мороженого.

– Я за тебя спокойна: мороженым и сметаной ты обеспечен на всю жизнь, – заметила я. – Что ж ты нам жалился, что погибаешь с голоду без сметанки, и рассказывал, как Яга брала подарки ведрами сливок?

Кот мигом посерьезнел и оторвался от пломбира.

– Нельзя использовать волшебные предметы по первой прихоти.

– Опять двадцать пять! – Я закатила глаза. – Уж не хочешь ли ты сказать, что с голоду будешь умирать, а скатерку не достанешь, будешь ждать, пока добрый селянин явится к Яге в гости с кринкой сметанки?

– Я с голоду не умру, – легкомысленно проболтался кот, – в лесу полевых мышей полно.

Перехватив мой насмешливый взгляд, он быстро добавил:

– Но страдать буду сильно!

– А я буду страдать, если мне все время придется ограничивать себя в магии, – призналась я, в надежде на понимание.

– Жила же ты как-то без нее раньше, – бесстрастно ответил кот.

– Так и тебя сметаной не с младенчества кормили, – возмутилась я.

– А вот и неправда твоя. Я к Яге еще котенком попал, а уж она для меня сливочек никогда не жалела. А ты привыкай. Волшебство приходит на помощь только тогда, когда желаемого нельзя достичь обычным способом. Да и только в том случае, если без него не обойтись, – назидательно изрек кот.

Я поймала на себе взгляд Ива – он смотрел на меня со снисхождением и сожалением.

– Ты тоже так думаешь? – с вызовом спросила я.

– Ты знаешь, – сухо ответил он.

– Но нельзя всех равнять под одну гребенку, – вспыхнула я. – Ты легко отказался от магии, тебе это ничего не стоило, а я не могу!

Ив не отвел взгляда, но в его глазах мелькнуло странное выражение сожаления и боли. Так смотрят на любимую, которая идет к алтарю с другим, с каждым шагом безнадежно удаляясь из твоей жизни. Так смотрят на ребенка, который не желает слушать мудрого совета и тянет руки к огню, чтобы больно обжечься. Так смотрят на друга, который с азартом рассказывает о своем новом опасном увлечении, и ты понимаешь, что с этого момента ваши дороги навсегда расходятся.

– Тогда почему мелкое волшебство удавалось мне раньше? – смешавшись, спросила я у него.

– Ты училась, Яна, ты только пробовала приручить магию и использовала для этого любой повод. Теперь же магия приходит на помощь только тогда, когда в ней есть острая необходимость. В случае если решить вопрос можно обычным путем, она перестает действовать. Закон сохранения магии.

– Это что же, теперь, чтобы поесть пиццу, мне придется ее сготовить? – невесело пошутила я.

– Лучше нанять кухарку, – ухмыльнулся кот, намекая на неудачу с пирогами, но, поймав мой сердитый взгляд, не рискнул будить во мне Годзиллу дальше и ловко перевел разговор: – Ох, беспокойные нынче времена настали... Илью видали? Перед вашим появлением Бабуягу на смертный бой вызывал – каков молодец, а?

– Да он вроде как не всерьез, – возразила я.

– Еще бы он всерьез вздумал, – ошетинился кот. – Вот уж я бы ему показал!

– Кузькину мать? – заинтересовалась я.

– На что ему Кузькина мать? – удивленно вытаращился кот. – С него бы и Федькиной стало – как увидел бы... Да дело-то не в том, – спохватился он. – Баба-яга – она ж всегда защитница была, помощница, советчица. Как царевна из терема пропадет, жених к Яге – помощи сыскать суженую. Как кормилец при смерти лежит, жена или детки маленькие к Ягусе бегут – спаси и исцели! Знают, что от раны смертельной только живая вода помочь может. А водица та только у Яги есть. Как напасть какая заведется, опять молодцы к Яге спешат – подскажи, бабушка, способ вражину извести. А уж гостей она как встречала-привечала? И баньку напарит, и кашу наварит...

– А где тут банька? – удивленно озираясь, спросила я. – Неужто, как в сказке, из стены вырастает?

– Гуляющая она у нас, – ворчливо заметил кот. – Все по лесу шастает день-деньской, не дозовешься.

– Кто? – совершенно опешила я.

– А ты про кого спрашиваешь? – ощерился кот. – Баня, конечно.

И, видя мое полнейшее недоумение, сжалился и пояснил:

– Банька в отдельной избушке на курьих ножках. Поменьше, чем эта. Наша избушка давняя, степенная, к оседлой жизни привыкшая. А баньке еще и сотни лет нет. С тех пор, как старая развалилась, новую построили, а у молодежи одни гулянки на уме.

– То-то мы ее еще не видели.

– И не увидите, – хмыкнул кот. – Ее надо волшебным словом позвать, а вам то слово неведомо.

– Что ж нам теперь – грязью зарастать? – возмутилась я.

– А и зарастайте, – махнул лапой кот. – Никто и не заметит особой разницы. Ты и так лицом черным-черна, что последняя чернавка, да и хахаль твой не лучше.

Я аж задохнулась от возмущения – да в Москве моему островному загару обзавидовались бы! Что за дикое царство-государство!

– Впрочем, так оно и лучше, – задумчиво продолжил кот. – Василисе, чтобы в Ягу нарядиться, пришлось белые щечки глиной мазать, а у тебя кожа, что у настоящей Яги – сухая, темная.

– Варфоломей! – прорычала я, и кот, поняв, что хватил лишку, торопливо сменил тему:

– Вот опять ты меня с толку сбила! – ворчливо заметил он. – Я ведь про Ягу рассказывал. На чем я остановился?

– Баньку напарит, каши наварит, – напомнил Ив.

– Вот именно. Гостеприимная Яга была, добрая. Дети ее любили. Баба-яга всегда в почете жила, в уважении. А сейчас что? Кто-то слухи распускает, что Баба-яга на старости лет разум растеряла, в злое колдовство ударилась. Кто в избушку к ней попадет, тот навеки сгинет. И даже, аж повторить и то мерзко, людоедкой стала – детей похищает и ест.

– Да, есть такие сказки, – признала я.

– Сказки? – взвился кот. – Какие ж это сказки? Брехня это, а не сказки!

– Наглый поклеп, – поддакнула я. – Знаешь, Варфик, я всегда в детстве удивлялась, как же это так: в одних сказках Баба-яга – добрая старушка, царевичам помогает невесту найти и Кощея одолеть, трудолюбивых и скромных падчериц награждает, а в других – ну ведьма ведьмой. И Лутонюшку зажарить норовит, и...

Кот так и замер, не донеся до рта лапку с зачерпнутой сметаной.

– Врешь!

– Я тебе как в сказках все говорю, – обиделась я.

– Лутонюшку – зажарить? – оскалился кот. – Да этот Лутонюшка, сиротка заблудившийся, у нас больше месяца Жил припеваючи. Катался как сыр в масле, трескал, аж за ушами трещало. Василиса на него умилялась – и оладушки ему, и блинцы с медом, – Варфоломей возмущенно сглотнул, – со сметаной! Мне в миску не докладывала – все Лутонюшке, все дитятке малому. А то, что это дитятко меня за хвост таскало, так это не в счет. Он не со зла, он играючи! Я невольно посочувствовала Варфоломею: появление нового фаворита – конец света для прежнего любимца.

– А сколько раз Василиса его домой вернуть пыталась? – продолжил кот. – Сама не хотела расставаться, да сердечко болело, что малыш без родителей растет. Соберет его в дорогу, выведет из избушки, вернется обратно грустная-прегрустная, а часа не пройдет – он уже на пороге стоит да лыбится. Василиса его целовать-обнимать, нянчить, на стол накрывать! Насилу избавились от приживальца.

– Избавились? – вздрогнула я.

– Кабы не я, так он бы у нас навек поселился, – с гордостью отозвался кот.

– Так это ты его... того? – глухо произнесла я. – Зажарил?

– Ты что?! – Кот возмущенно зашипел, а избушка зашлась приступом хохота, отчего зазвенела посуда на столе.

– Ох насмешила, – кудахтала изба. – Да этот Лутоня сам кому хошь жару задаст! Однажды чуть крыльцо не спалил, окаянный, – с болью в голосе припомнила она. – Кабы Василиса вовремя не подоспела, тут и конец бы мне пришел. А Лутонюшка стоял поодаль да смеялся, глядя, как ступени горят. Смотрите, кричит, как избушка пляшет!

– Да уж, плясала ты на славу, – ворчливо заметил кот. – Всю посуду потом менять пришлось – одни черепки остались.

– Фу-ты ну-ты! – обиженно ответила избушка. – А кто в это время в печи сидел запертый и выл дурным голосом?

– Я не выл, – огрызнулся кот. – Я пел боевую песнь, наводя ужас на врага, и готовился броситься в атаку.

– То-то Лутонюшка со смеху покатывался, разжигая огонь у меня на ступеньках, – съязвила избушка.

– Хорошо смеется тот, кто смеется последним, – возразил Варфоломей. – Должна мне спасибо сказать, что избавились от мальчика.

– И как же это тебе удалось? – любопытствовала я.

– Хитростью, – сверкнул глазами кот. – Пока Василиса не слышала, я ему без конца страшные истории про Кощея рассказывал, какой он злющий колдун и как детей кушать любит – Лутоня аж трясся от страха. А потом, когда он созрел, невзначай обмолвился, что Кощей на днях к Яге в гости зван. Лутоня как про то услышал, к Василисе на руки бросился и, слезами умываясь, стал молить его к матушке с батюшкой отвести. Василиса его тут же схватила и вон из избы, а вернулась уже без мальчика.

– Так вот откуда слухи пошли, что Баба-яга детей в печи жарит и ест, – задумчиво заметила я.

– Я это не говорил! – оскалился Варфоломей. – Я про Кощея сказывал.

– А про Кощея-то правда? – заинтересовалась я.

– Да кто его знает. – Он махнул лапой. – Кощей отшельником живет, ни с кем из сказочного люда не знается. Слухов про него много ходит, а что правда, что нет, я про то не ведаю. А Лутоню этого увижу, – кот оскалился, – глаза выпарапаю. Не успел домой вернуться, паршивец, как честное бабушкино имя опозорил.

– Так это недавно было? – уточнила я.

– Да и месяца не минуло, – поведал кот. – Вскоре после этого и Василиса в путь-дорогу засобиравалась. Повозилась с мальцом да заскучала по родным. Хочу, говорит, сестриц повидавать хоть одним глазком. Как они там, говорит, может, уже замуж вышли и деток родили. Одни беды от этого Лутони на нашу голову! А как Василиса ушла, так что-то неладное началось. Откуда ни возьмись, набежали богатыри да простой люд. Богатыри Яге смертью грозят, крестьяне людоедкой и ведьмой кличут, обвиняют во всех напастях. Один раз чуть избушку не спалили. Хорошо, банька их внимание отвлекла, и избушка в лесу укрылась. Пришлось нам в самую гущу леса забраться, чтобы схорониться. Так, сама видишь, и тут нашли! Я потом походил по округе тайком, послушал, что народ сказывает, чуть не поседел. Гуси-лебеди ребенка украли – Яга виновата, ее лебеди. На коров мор нашел – Яга виновата, ее проделки. Солнце палит – Яга проказничает, без урожая хочет оставить. Три мужика, которые к Яге отправились, пропали – Яга их убила, изжарила, а головы на колья вокруг дома повесила.

– А что, мужики правда пропали? – спросил Ив.

– Пропали. – Кот нервно дернул хвостом. – Один кузнец, сказавшись, что Ягу извести идет, даже до лесу не дошел – с дочкой мельника сбежал, теперь ищи ветра в поле. А жена его убивается, Бабу-ягу винит, что детишек малых без отца оставила.

– А ты откуда знаешь? – удивилась я.

Кот смущенно потупился.

– Поспрашивал у местных кошечек. Мурка с мельницы видела, как хозяйская дочка с женатым кузнецом тайно встречалась, и слышала, как во время последней встречи они сговаривались о побеге. А чтобы кузнеца не искали, придумали на Ягу тень навести. Тогда как раз вся деревня гудела, что Яга разумом помутилась.

– С этим понятно. Ну а другие два? Которые пропали? – уточнила я.

– Этих я в лесу нашел, – поведал кот. – Одного медведь задрал, другой в болоте сгинул.

– Как же ты про него узнал, если он сгинул? – с подозрением спросила я.

– Водяной мне про то поведал, – оскорбленный в лучших чувствах, ответил Варфоломей. – Нешто ему не знать, что в его угодьях делается? А Леший про другого подсказал: тело в такой непроходимой чаще лежит, что вовек его не сыскать.

– В общем, как ни крути, а Яга крайняя получается, – удрученно подвела итог я.

Так я и знала, что дело тут нечисто. Не просто на маскарад меня магистры спровадили. Выходит, еще надо разбираться, кто Баба-яге такой черный пиар устроил, и имидж восстанавливать.

– Есть идеи, кто бы это мог быть? – поинтересовалась я.

Кот задумчиво почесал лапой за ухом, избушка, все это время слушавшая наш разговор и вставлявшая время от времени глубокомысленные «Угу», «А то ж!», «Ух ты!» и «Вот ведь как!», в растерянности лязгнула печной затворкой.

– Да кому это надо-то? – протянул кот. – У Бабы-яги никогда врагов не было. И с людьми, и с нечистью она всегда в ладу была.

– Ты сейчас про какую Ягу говоришь – настоящую или Василису? – уточнила я.

– Про обеих. Василиса хорошо с обязанностями Яги справлялась. За все это время люди ни разу не усомнились в подлинности Бабы-яги, а нечисть Василису приняла как приемницу Яги.

– Значит, всякие лешие, водяные и кикиморы были в курсе? – удивилась я.

– А как же им не быть, коли Баба-яга в лесу схоронена? Знает Леший – знает весь волшебный люд.

– А знает весь волшебный люд – и простой народ узнает, – скептически заметила я.

– Никогда! – убежденно возразил кот. – Баба-яга – это тот мостик, через который нечисть с простым человеком связь держит. Если не устраивает что Лешего или Водяного, то они сами человеку не покажутся, а придут к Яге да попросят ее передать людям их волю. Так было испокон веков заведено. Если люди узнают, что Баба-яга – это Василиса, прежнему почтению не бывать. Баба-яга-то свое доброе имя веками заслужила. Так что нечисть не выдаст.

– А Василиса как давно место Яги заняла? – вмешался Ив.

– Три весны минуло, – без запинки ответил кот.

– Три года, значит, – протянула я. – А слухи про то, что Яга – злая ведьма, недавно поползли?

– Да вот, вскоре после того, как Василиса в путь-дорогу отправилась. Четыре ночи все спокойно было, а на пятый день богатырь явился, грозился «людоедке» голову с плеч снести.

– Значит, прознали, что Яга отлучилась и... – предположил Ив.

– Да кто ж знает-то? – подпрыгнул кот. – Заболела старушка, лежит на печи, здоровье поправляет. Кто приходит, тому избушка старушечьим голосом отвечает, и они уходят в полной уверенности, что Яга дома, просто у нее неприятный день. А в избу тайком прокрасться невозможно – избушка бы про то знала.

– И все-таки странное совпадение получается, – усомнился Ив.

– Мне больше любопытно, кто тот злодей, что про Бабушку-ягу такие мерзости распускает! – проворчал кот.

– Может, соперники? – предположила я. – Кто-то хочет занять место Яги. Кто-то мечтает о таком же почете, уважении и власти.

– А что, – Варфоломей стукнул хвостом, – в этом есть смысл.

– Значит, надо искать среди волшебников, – резюмировал Ив.

– Преимущественно – молодых да дерзких, – дополнил кот.

– А ведь в таком случае этот волшебник не знает, что Яга – это Василиса, – осенило меня. – Иначе он бы просто разоблачил ее как самозванку. Осталось определиться с кругом подозреваемых.

Варфоломей уселся на лавку, почесал за ухом и стал выдавать список возможных злоумышленников.

– Перво-наперво, Забава, кузнецкая дочь. Девка ладная, красивая, но гордая без меры. В женихи все царевича ждала, а уж какие к ней только добры молодцы не сватались! В чародействе сильна – еще Яга жива была, когда Забава к ней приходила. Хотела у нее секреты волшебства выведать, да только не вышло. Тогда Забава осерчала да предложила Бабе-яге силами померяться – мол, кто победит, тот и будет самой главной чародейкой в Лукоморье. Яга над ней только посмеялась да за дверь выставила. А Забава кулачком избушке грозила да кричала, что Яга еще о ней услышит и пожалеет о своих словах, да только поздно будет.

– Думаешь, она?

– Кто знает? – Кот в задумчивости наклонил голову. – Три года минуло, Забава могла наловчиться в чародействе и захотеть потягаться с Ягой.

– Судя по твоим словам, Забава бы скорей Бабу-ягу на честный бой вызвала, чем исподтишка слухи о ней стала распускать, – усомнилась я.

– За три года она могла и измениться! – упрямо возразил Варфоломей.

Я не стала спорить и на кусочке бересты, выданном мне котом, угольком вывела первое имя.

– Дальше, – призадумался кот, – а вот хотя бы и Степанида, крестьянская дочка. Бедовая девка! Нареченного ее в лесу медведь задрал. Это незадолго до свадебного пира случилось – Ефим отправился дичи добыть, да и сам сгинул. Степанида убивалась страсть как! К Яге пришла, слезами умываясь: помоги, бабушка, суженого оживить, дай водицы живой да мертвой.

– И что Яга? Или это была Василиса?

– Нет, то еще Яга была, – поведал кот и стукнул по лавке хвостом. – Не дала.

– Так, значит, есть вода – живая и мертвая? – загорелась я.

– Есть, да только не про всякую честь, – отрубил кот.

– И кто же такой чести удостоивается? – заинтересовалась я.

– Только тот, кого волшебное блюдечко в мире живых покажет. Значит, не должно было с ним ничего случиться, человек еще в мире живых нужен, тогда его можно вернуть.

– Ефима блюдечко не показало...

– Смекалистая! Жалко Яге было Стешку, но закон есть закон. Иначе могло бы непоправимое случиться, весь мирской порядок нарушился бы, люди безвинные пострадали... Яга утешала ее, как могла, но Стешка ничего слушать не желала. Верну его, говорит, и все, хоть всю жизнь придется средство искать – не отступлюсь! Баба-яга тогда только головой покачала: дар у Стеши был, да добрый, светлый. Она скотину лечила, людей исцеляла. Для того чтобы мертвого поднять, сила совсем другого рода нужна.

– И что эта Стеша сейчас делает? – настороженно поинтересовалась я.

– Ищет, как и обещала, – удрученно вздохнул кот. – Яга просила присматривать за ней, ну я и наведывался в деревню, поглядывал да кошечек расспрашивал. А когда хозяйки не

стало, я по старой привычке Стешу из виду не выпускал. Ничего светлого в ней не осталось: сама высохла, лицом почернела, целительство ей больше не по силам, ныне она порчей промышляет.

– С нее вполне станется про Бабу-ягу гадости распускать, – заметила я, выводя угольком второе имя на бересте.

– Так-то оно так, да только уже четыре года минуло. Что же она раньше молчала? – разумно возразил кот.

Я отложила уголек в сторону.

– Кто там у тебя еще?

– Любава, дочь плотника. Затейница по приворотной магии.

Я хмыкнула.

– Привороты? Ну ей-то уж слава Яги на что сдалась?

– Не скажи, – возразил кот. – Каждая лягушка желает стать главной в своем болоте. А Любава по своей части очень сильна и столь же непредсказуема. Никогда не знаешь, возьмется она за дело или откажет. Но уж если возьмется, то ни перед чем не остановится, чтобы пару соединить.

Уж не об этой ли Любаве-чаровнице говорил мой знакомый Фрол?

– Мне кажется, это несерьезно. – Я покачала головой. – Только время на эту сводницу потеряем. Да и что ей с Бабой-ягой делить? Старушка ей не конкурент, Яга же приворотами не промышляет?

– Никогда! – заверил кот. – Яга в сердечные дела не вмешивается.

– Вот видишь!

– А если я скажу, что Любава мечтает Чернослава заполучить, а тот только о Василисе думает? – сощурился кот.

– Намекаешь, что Любава узнала, что Василиса – это Баба-яга? – удивилась я. – И все равно не понимаю, какой ей смысл чернить имя Яги и отрезать Василисе путь к возвращению? Ей куда выгоднее, чтобы Василиса всю жизнь провела в лесной избушке, притворяясь древней старухой.

– Если сейчас очернить имя Яги, а потом откроется, что ею была Василиса, Чернослав отвернется от невесты, – прозорливо заметил кот. – И тут Любавина душенька довольна: соперница опозорена, можно брать Чернослава в оборот.

– Это лишь твои предположения, – сомневалась я, – которым грош цена, если Любава не знает, что Василиса и Яга – одно лицо. И потом, куда проще разболтать всему свету, что Василиса была Бабой-ягой и жила в лесной избушке, этого уже достаточно, чтобы скомпрометировать незамужнюю девицу.

– Правда твоя, – проворчал кот. – Но проверить можно! К тому же Любава в одной деревне со Стешей живет – и ходить далеко не надо.

– Ладно, – сдалась я и взяла в руки уголек, – проверим твою чаровницу.

Список подозреваемых чародеек рос на глазах, и все имена мне были незнакомы.

– А как насчет Змея Горыныча, Соловья-разбойника, Марьи Моревны? – спросила я.

– Горыныч на такие коварства не способен, – замотал головой кот. – У него что в головах, то и на языках. Бывали, конечно, у них с Ягой разногласия, но он хозяйку уважал. Да и не знает он о том, что Василиса место Яги заняла. Мы с Лешим и Водяным порешили, что лучше Змею о том не ведать. Соловей... – Кот призадумался. – Да нет, кто его слушать-то станет? Хоть и серчал он одно время на Ягу, но то уже давно было.

– Что было-то? – Я подпрыгнула на лавке от любопытства.

– Что было, то давно быльем поросло, – отрезал Варфоломей. – А Марья Моревна, как замуж вышла, так живет в своем подводном дворце с мужем и детками и носу на поверхность не кажет.

За разговором мы не заметили, как за окном сгустились черные, как крепкий кофе, сумерки. Избушка подозрительно притихла и уже давно не принимала участия в беседе – наверное, тихонечко дремала.

– Вот ведь заболтались! – спохватился кот. – Ночь-полночь на дворе. Давайте спать укладываться. Утро вечера мудренее.

Лукоморское утро было волшебным и разбудило меня ярким розовым светом, бьющим в окна. Кутаясь в лоскутное покрывало, я выбежала в сени, рванула дверь и зажмурилась от ослепительного сияния. Весь лес купался в розовом свечении. Оно обнимало стволы деревьев, красило листья и траву в фантастические золотые и лиловые цвета, рассыпало по листве и земле тысячи золотых бликов. Смотреть на небо было невозможно: оно обжигало глаза до слез. Наверное, там, в высоте, парит сказочная птица, одно перышко которой может осветить все пространство вокруг. Немудрено, что свечения от целого оперения хватило, чтобы накрыть весь лес целиком. Я прижала ладонь козырьком ко лбу, подняла голову и ахнула. Не жар-птица, нет, там...

– Ты чего вскочила-то, попрыгунья? – проворчал неслышно подкравшийся кот и сонно потерялся о мои босые ноги. – Заря только...

– Что случилось? – подтянулся встревоженный Ив.

– Заря... – зачарованно протянула я, шурясь от яркого света, но не в силах отвести глаза от неба.

Там, высоко над верхушками сосен, катился ослепительно-красный шар, разливая по земле розовое сияние. Таких фантастических рассветов я не видела нигде, даже на тропическом острове, откуда мы вернулись еще вчера. То, курортное, солнце впиталось в кожу расплавленным золотом. Это, лукоморское, светило в самое сердце, наполняя его теплом и любовью ко всему миру, превращая каждую неказистую осинку в ослепительную красавицу, каждую росинку на траве – в бриллиант.

Я обернулась к Иву – в рассветном розовом сиянии, растрепанный спросонья, он показался мне самым дорогим человеком на свете. Подошла к нему, прижалась. Не губами – сердцем выдохнула:

– Люблю тебя.

Кот деликатно отвернулся, Ив смущенно пробормотал:

– Так пожара нет?

Я подняла на него сияющие глаза, покачала головой, поймала губами тепло его губ, задыхаясь, повторила:

– Я тебя люблю.

– Надеюсь, больше, чем свою магию? – прерывисто спросил он и все испортил.

Розовое сияние померкло, глаза напротив сделались чужими. Я обернулась: солнце спряталось за облаком, сорвало с земли покров волшебства, и все стало обыденным и прежним. Хмурый утренний лес, упрямый Ив, попрекающий меня магией. Все вдруг стало предельно ясно. Да он же просто...

– Ты мне завидуешь, – вспыхнула я. – Я сильнее тебя в магии, и тебя это раздражает. Ты такой же, как все мужчины, не можешь допустить, чтобы женщина в чем-то превосходила тебя. Это как проклятье «Оскара»: как только актриса получает статуэтку, в ее личной жизни происходит разлад.

– При чем тут твой дядюшка Оскар? – Ив в недоумении поднял брови. – Он не в силах навести проклятие, он же не маг. Актрис он, конечно, недолюбливает, но на то есть свои причины. В молодости он потратил значительную часть наследства на одну актрису, а та, забрав все его подарки, сбежала к богатому герцогу.

– Спасибо, что просветил, – процедила я. – Теперь хоть знаю, кого благодарить за несусветную жадность моего vessалийского дядюшки. Но не надо увиливать! Признайся, ты завидуешь мне, потому что я сильнее!

– Разумеется, это так, – холодно отчеканил Ив. – Именно поэтому я отдал тебе всю свою магическую силу в ночь перед поединком с твоей сестрой.

Я вспыхнула. Да, тогда Ив поступил совершенно по-мальчишески, влив в меня весь свой дар до последней капли и не предупредив об этом. Ведь знал же, что я буду против! Знал, но поступил так, чтобы дать мне преимущество перед Селеной. Ведь в случае победы моя одержимая темной магией сестричка церемониться бы не стала. Но я не привыкла быть в долгу. И когда какое-то время спустя, после череды приключений в подводном царстве, я попала в Пещеру Желаний, я не сомневалась в выборе.

– Я вернула тебе твой дар, – выкрикнула я. – Я хотела чтобы мы с тобой были на равных. Чего еще тебе надо?

– Ты, – просто ответил Ив. – Мне нужна ты, а не свихнувшаяся на почве своего могущества ведьма.

– Я не ведьма, – прорычала я.

– Но ты движешься в верном направлении, – с горечью заметил Ив. – Разница между ведьмой и волшебницей в том, что волшебница помогает другим, а ведьма думает только о себе.

От несправедливой обиды я даже покачнулась.

– Хорошо же ты обо мне думаешь... Что же ты делаешь рядом со мной, такой белый и чистенький?

Ив покачал головой.

– Я волнуюсь за тебя, Яна. Меня не было рядом с тобой, пока ты улаживала дела в подводном мире. Но, когда мы увиделись после, я заметил, что ты изменилась. Темная сила Селены, которая перешла к тебе во время поединка, дает о себе знать. Я смотрю на тебя и вижу ее.

– Тырываешь мое сердце, – прошептала я.

– А ты – мое.

– Я не Селена!

– Так будь собой, а не ею.

– А ты, оказывается, жестокий... До встречи с тобой я не умела колдовать, помнишь? Это же ты нашел меня тогда в лесу, ты привез меня в замок Селены, ты убеждал меня в том, что я и есть Селена, великая волшебница, которой подвластно все! Ты сам разбудил во мне способности к магии, ты одобрял мои упражнения. А теперь, когда я овладела магией в полной мере, называешь меня ведьмой?

– Я лишь предостерегаю тебя от ее бездумного применения, – возразил Ив. – Но ты не хочешь меня слышать. Селена начинала так же, – с горечью добавил он.

– Не сравнивай меня с ней! – взбеленилась я.

– Твоя мать опасалась за Селену, – жестко напомнил Ив. – Она предостерегала ее. Но Селена ее не слушала.

– Еще одно слово и... – вспылила я.

– И что? – Он с вызовом взглянул на меня. – Убьешь меня так же, как Селена убила свою мать?

– Это неправда, – у меня перехватило дыхание, – моя мать погибла, защищая меня!

– Но защищая от кого? От Селены. Ведь это твоя сестричка постаралась, чтобы ты попала на ту пустошь и уже не выбралась бы оттуда.

Не выдержав его взгляда, я отвернулась. За спиной раздалися шаги, скрипнула половица – Ив ушел в избу. Я опустила на крыльцо и невидящим взглядом уставилась на лес.

Вспомнилась наша первая ночь вместе. Тогда рыцарь перенес нас на берег моря, лунная дорожка стелилась нам под ноги, когда мы шли по поверхности воды, а в конце пути нас ждала постель из звезд. Тогда Ив не разделял мнения, что применять магию в личных целях нельзя. Что же произошло теперь?

В избе что-то загремело, оглушительно чихнула печка, так что я подпрыгнула вместе с крылечком. Похоже, Варфоломей занялся завтраком. Я не тронулась с места – за один стол с Ивом в таком настроении я не сяду.

Вскоре на крылечке появился кот, вкрадчиво сообщил:

– Я там самобранку расстелил...

– А мне показалось, ты печку мучил, – хмыкнула я.

– А, это она мышью подавилась, – радостно доложил Варфоломей.

– Вот и ешьте своих мышей сами, – буркнула я.

Кот пристально посмотрел на меня, вильнул хвостом и вернулся в избу. Из-за неплотно закрытой двери, дразня меня, донеслись ароматы свежее испеченного каравая, домашнего сыра и ягодного варенья. Я встала и плотно прикрыла дверь. Не дождетесь!

Утренняя прохлада сгущалась вокруг меня влажным одеялом, холодила босые ноги, пробиралась за шиворот, мурашками растекалась по коже. Я поежилась, подтянула под Себя ноги, растерла замерзшие руки. Хоть Снегурочкой стану, но в избу не вернусь!

Взгрустнула при мысли о нашем тропическом рае в шалаше – ведь еще вчера, на острове, все было так хорошо. Никаких недомолвок, никаких обид, никаких споров Стоп! Похоже, не обошлось тут дело без вмешательства достопочтенного магистра Белимара. Вчера утром те несколько минут, пока магистр с Ивом выбирались из моря, они о чем-то переговаривались и спорили. А уже после обеда рыцарь отчитал меня, когда я пыталась добыть нам еды. Надо поговорить с ним, надо все выяснить, не дать магистру нас посорить!

Я вскочила на ноги, метнулась к двери и чуть не сбила с ног выходящего Ива.

– Ты... – Взгляд скользнул по непривычной для рыцаря подпоясанной русской рубахе, просторным штанам. Только сапоги из мягкой кожи, которые Ив носил еще в Вессалии, портили целостность облика. Против воли вырвалось насмешливое: – Ты Кузьму, что ли, ограбил? А что ж лаптями побрезговал?

– Это из запасов Бабы-яги, – снизу мяукнул кот.

– Она любила переодеваться в мужское?

Ив не глядя отодвинул меня с пути и спустился с крыльца. Только сейчас я заметила котомку на его плече, и все ехидство как ветром сдуло.

– Ты... уходишь? – Мой голос прозвучал неожиданно хрипло.

За рыцаря ответил кот:

– Он идет за Василисой.

«Что, прямо сейчас? Вот так? В обиде на меня?» – заметались вопросы в голове, но вслух я растерянно спросила:

– Пешком?

– Я нашел в сундуке несколько монет. На них можно купить коня в ближайшем селе, – пояснил кот, в то время как Ив по-прежнему молчал.

– Коня? – изумленно вырвалось у меня. – А что, ковра-самолета или сапог-скороходов нет?

– Я в состоянии добраться сам. – В голосе рыцаря прозвучал вызов.

– Ну смотри, а то могу подбросить тебя на метле! – в том же тоне ответила я.

– Обойдусь, – отрубил Ив.

– Тогда счастливого пути! – оскалилась я.

Ив бросил на меня короткий порывистый взгляд, от которого внутри у меня все сжалось. Так он уже смотрел на меня однажды, когда я была парализована заклинанием недви-

жимости, а Ив думал, что перед ним моя сестра Селена. Он смотрел на меня, как на чужую, и для него это тоже было невыносимо. Он быстро отвернулся и зашагал к лесу.

– Скатертью дорожка, – от души напутствовал кот.

Мы молча смотрели вслед рыцарю, пока деревья не сомкнулись стеной, спрятав его от нас. Даже избушка замерла и, казалось, вытянулась на цыпочках, чтобы как можно дольше не терять Ива из виду.

– Ты так и не ответил, откуда у Яги мужская одежда, – очнулась я.

– Сама пряла, сама шила, – с гордостью поведал кот. – Ох и рукодельница была!

– А Василиса что же? – усмехнулась я. – Отлынивает?

– Баба-яга столько одежды наготовила, что еще на три поколения богатырей хватит, – похвастался Варфоломей.

– Да зачем ей это? – поразилась я.

– Ты и правда глупая или притворяешься? – мяукнул кот и, не дождавшись моего ответа, сам сделал неутешительный вывод о моем умственном развитии и пояснил: – Гости-то у ней были!

– Ну были, – все недоумевала я, – и что с того?

– С дороги-то они уставшие приходили, есть-пить просили!

– Что у Бабы-яги в избе бесплатная столовая для царевичей и Иванов-дураков была, это я в курсе, – кивнула я. – Но чтобы у нее еще и ателье было, что-то не припоминаю!

– А про баньку ты помнишь? Или тебе память начисто отбило?

– Помню, как же, она у вас гулящая, – радостно сообщила я. – Ага, есть еще и вторая мини-избушка, со своим пошивочным цехом? Что ж ты раньше-то молчал! А ну зови ее сюда, будем мне гардероб составлять!

Кот в раздражении закатил глаза.

– В баньке гости парились, а потом в избе спать укладывались. Помнишь?

– Помню, и что?

– А то, – рявкнул кот, – что если одежда у них справная была, то Баба-яга ее стирала да на печке сушила, пока гость спал.

– Это еще зачем?

– А что же он, по-твоему, после бани снова в пыль дорожную одеваться должен? – Кот в возмущении выпучил глаза.

– А нечего было пылиться, – не сдавалась я.

Варфоломей безнадежно махнул лапой.

– А шила-то она для кого? – спохватилась я.

– Для того, – пробурчал кот. – У иных путников одежда так в дороге истрепывалась, что в лохмотья рассыпалась. Не провожать же молодца нагишом? Вот Яга и заготовила рубах да штанов разных размеров, чтобы любому подошли.

– Добрая душа, – умилилась я и возмущенно потрясла кулаком. – Бабулька, а потом и Василиса, для них и стол, и баньку, и ночлег, и рубаху, а они на Ягу напраслину возводят, злодейкой выставляют!

– Вот с этим мы и будем разбираться, – озадаченно нахмурился кот. – Пошли в дом! Скоро Илья явится, надо успеть ему отвар сготовить. А там, если время останется, прогуляешься до чародеек да разведаешь, авось и найдешь ту, кто к этой напасти отношение имеет.

Я всплеснула руками:

– Илья! Отвар! Да как готовить, если я не умею?

– Подскажу уж тебе, неумеха, – смиловился кот, подталкивая меня к сениям. – Пошли.

Царевна

Тем временем в царском тереме

Василиса стояла у окна своей горницы в царском тереме и кусала губы. Привычка дергать косу уже не успокаивала, коса расплелась наполовину, а девушка никак не могла взять себя в руки. Только с тревогой всматривалась вдаль: вот-вот взметнется пыль дорожная, вот-вот покажется на горизонте черная точка – всадник на темном коне.

Сердце заныло от неминуемой беды, губы кольнуло болью, и Василиса слизнула кровавую капельку. Прав был Варфоломей, тысячу раз прав, когда просил ее не покидать избушки. И ведь чего только ни делал, проказник, чтобы удержать ее! Василиса невольно улыбнулась, вспомнив кота, но тут же нахмурилась, осознавая свою вину перед ним. Как же легкомысленно, неосмотрительно, необдуманно, недопустимо она поступила. Нет ей оправдания. Стыдно перед Варфоломеем. А еще больше – перед Бабой-ягой, которую она так подвела своим уходом.

Яга снилась ей ночью: явилась к ней в горницу, постояла у изголовья кровати, молча и пристально глядя в глаза. Василиса бросилась к ней, умоляла простить за глупость, помочь дело исправить, но Яга растворилась в воздухе, словно и не было ее. Василиса проснулась от нервной дрожи и не сомкнула глаз до самой зари, казалось, из темноты горницы на нее по-прежнему мудро и укоризненно смотрит умершая Баба-яга.

Скрипнула половица – в горницу вошла верная прислужница Дуняша.

– Царевна Василиса! – Голос девушки звенел от восторга. – Погляди, какой славный кокошник царица передала.

Василиса даже не обернулась.

– Так и переливается камнями самоцветными, так и пышет, – не сдавалась Дуняша, нахваливая кокошник. – Красота ненаглядная! Ой, косонька-то совсем растрепалась!

Василиса молча снесла, как Дуняша быстро да умело сплела разворошенные в волнении пряди, приговаривая, как хороша царевна, как онемееет от такой красоты жених, какой славный пир закатит царь-батюшка. Василиса стояла, не шелохнувшись, к словам служанки оставалась глухой.

Дуняша туго переплела косу алой шелковой лентой, закрепила на голове царевны нарядный кокошник и широко раскрыла глаза от восторга:

– Хороша! Сейчас, зеркальце вот! Гляди-ка! – суетилась она.

Василиса в зеркало даже не взглянула – что толку? Все зеркала и блюда она тщательно проверила: ни одно из них не было волшебным и не помогло ей связаться с кем-либо за пределами терема.

– Ни дать ни взять – царевна Несмеяна, – расстроено шмыгнула носом Дуняша. – Как околдовал кто.

– Ты же знаешь, это невозможно, – безжизненно отозвалась Василиса. – Терем защищен от волшбы.

– А вот на тебя поглядишь и засомневаешься, – буркнула Дуняша.

Царевна окинула ее странным взглядом и вновь отвернулась к окну. Дуняша понатужившись вздохнула, мол, волнуется царевна, да и как не волноваться? Жених едет, которого она последний раз до похищения видела. Как же тут не переживать сердцу девичьему да не гадать, как суженый примет? Ведь слухи всякие бродят по Златограду, болтают разное. Шутка ли, царевна в замке Кощея три года провела. А что там происходило – то тайна за семью печатями, и она, голубка, молчит, ни словечком не обмолвилась. По всему видно, несладко ей там пришлось. Похудела царевна, побледнела, под глазами темные тени легли, на лбу ясном морщинка наметилась, а взгляд такой тревожный, что сердце болью захочется... Дуняша нахмурилась, вспомнив первый день после возвращения царевны. Василиса металась в горнице раненым зверем, просила ее «Помоги!».

– Конечно, помогу. Только прикажи! – откликнулась тогда Дуняша.

– Дуняша, – горячо зашептала Василиса, – помоги мне бежать.

Дуняша испуганно отшатнулась и вытаращила глаза.

– Бе... бежать? – ошеломленно переспросила она. – Царевна, да мы только тебя нашли, только от злодея в родных стенах укрыли!

– Найдет он меня здесь, найдет, – лихорадочно бормотала Василиса, кусая губы. – Помоги, Дуняша, я для тебя что хочешь сделаю, отблагодарю, чем пожелаешь.

Насилу тогда успокоила бедняжку, а сама до зари глаз не сомкнула, все прислушивалась, как там царевна? Не нагрянет ли с погоней Кощей? Надежны ли чары царевой чародейки Агриппины, наложенные на терем от любого волшебства? Агриппина не подвела – Кощей не появился. А вот царевна – сама не своя, изводит ее грусть-кручина непонятная...

Что-то произошло. Дуняша встрепенулась, с тревогой глянула на царевну, отшатнувшуюся от окна.

– А знаешь что, Дуняша? – неожиданно звонко воскликнула Василиса, и глаза ее сверкнули непонятным светом. – А ну-ка помоги мне встретить жениха во всей красе! Хочу сразить его наповал, чтоб краше меня ему на свете не было.

– Так краше тебя, царевна, и нет, – горячо отозвалась Дуняша.

– Нет уж, ты, Дуняша, постарайся! – Василиса подмигнула оробевшей служанке. – Я видела, как ты подружку свою на смотрины снаряжала, как ты ей угольком брови чернила, свеклой румянец рисовала. Нешто мне не поможешь?

Дуняша с готовностью заулыбалась:

– Уж я-то расстарюсь!

Царевна с надеждой взглянула на нее:

– Я очень на это рассчитываю, Дуняша. Очень!

Никто в тереме не мог представить, что за тоска терзает Василису. Чародейка, лишенная силы, металась в своих покоях пойманным в капкан зверем. После исчезновения Василисы безутешные царь с царицей озаботились судьбой Других своих четырех дочерей. Почувствовав свою уязвимость перед чародейством и считая виновником похищения Кощей, они взяли в терем кудесницу, первым делом поручив ей обезопасить царский двор от всякой волшбы. Обойдя весь царский двор, от хозяйственных погребов до самой крыши терема, Агриппина заверила, что никакой Кощей не сможет причинить вреда царской семье. Заговор наведен так, что, входя в ворота царского терема, любой чародей теряет свои силы. Исключение – сама Агриппина которая в случае необходимости придет на помощь царской семье.

Царь с царицей по-прежнему не подозревали, что их пропавшая дочь – чародейка, и даже представить не могли в какую ловушку ее загнали. Василиса же, не ведавшая о коварном заклинании Агриппины, сама ступила в капкан.

...Златоград встретил ее раскаленным, что жар из печи, летним зноем, многоголосым шумом ярмарки, ароматами свежей медовухи и спелых яблок с торговых рядов, скрипом телег, груженных товарами, окриками возниц, веселыми разговорами хозяек об удачных покупках. Василиса стояла на мостовой, оглушенная запахами и звуками. После хрустальной тишины леса, в котором она провела три года, родной город показался чужим и непривычным.

– Что растопырился посередь дороги, деревня? – гаркнул какой-то мужик, чуть не сбив с ног.

Василиса опомнилась, с трудом сдержала улыбку. Маскарад удался: ее принимают за деревенского дурачка. Тем лучше! Неузнанная царевна поправила котомку за плечом и зашагала к ярмарке. В дни торговли царица, в сопровождении боярских жен, всегда посещала ювелирные ряды. Конечно, можно было вызвать купцов в терем, но царице нравилась шумная атмосфера ярмарки, с ее зазывными криками торговцев, с торгом до хрипоты, с перели-

вами балалаек и с рассказами заезжих странников. А народ всегда с ликованием приветствовал свою царицу, щедро раздающую монеты направо и налево. Василиса только взглянет на матушку одним глазком, потолкается между рядов, послушает, о чем судачит толпа, разузнает вести из царского терема – и обратно, в лесную избушку.

Матушка появилась ближе к вечеру, когда спала дневная жара, солнце приглушило свой нестерпимо яркий свет и окрасило Златоград розовым цветом, а летний ветерок скользнул между людной толпы, растрепав мягкие кудри малышни, взметнув яркие косынки на их мамках и рассыпав зерно на продуктовых лотках. К тому времени Василиса уже успела узнать, что виновником ее исчезновения по-прежнему считают Кощея. Доблестный Чернослав из злодея душу вытряс, но Василисы в замке не нашел и вернулся несолоно хлебавши.

– И что же, Кощей мертв? – не удержалась от возгласа ряженая царевна.

– Живехонек, – с возмущением поведала словоохотливая кумушка, придиричиво перебивавшая отборные груши на возу в надежде найти изъян на спелых бочках и сбить цену. – Злодей-то бессмертным оказался!

Василиса насмешливо хмыкнула, оценив хитрую ложь бывшего жениха, и, расплатившись за грушу, вонзила зубки в сочную медовую мякоть. Она узнала все, что хотела. В следующий миг она смешалась с толпой, оставив бойкую кумушку пререкаться с торговцем.

Потолкавшись меж рядов, Василиса также узнала, что в родительском тереме все спокойно, сестрица Светлана стала царицей в Тридевятином царстве и воспитывает двух сыновей, а младшая, Злата, диво как расцвела. И дня не проходит, чтобы очередной заморский королевич или видный боярский сын не попросил ее руки. Встревожили Василису слова про какую-то Агриппину, которая заправляет в царском тереме, но дослушать не пришлось – народ заволновался при виде царицы, кумушки тут же принялись обсуждать ее наряд, а Василиса стала пробираться поближе, то и дело вытягивая шею, чтобы как следует разглядеть родную матушку.

Ей повезло – пробилась в самый первый ряд. Сердце колотилось пойманной в кулачок синицей, глаза с жадностью впитывали каждую родную черточку, каждую незнакомую морщинку на любимом лице, каждый непривычный жест. Царица шла между расступившимися людьми белой лебедью – подняв голову, расправив спину, вот только крыльев за спиной у нее больше не было. У Василисы перехватило дыхание от тревожного открытия. Никто из собравшихся на ярмарке не замечал этой перемены, никто не видел слегка опущенных плеч царицы, ее надломленной осанки. Подобное заметно лишь дочери, знающей свою мать до мельчайшей черточки, до едва уловимого движения. Раньше царица парила, сейчас она шла по земле, подметая подолом своего роскошного платья дорожную пыль. Сердце Василисы ныло: «Ты виновата. Твой побег – это паутинка морщин на белом лбу матери, твой побег – это тонкая серебристая нитка в черной косе, твой побег – это затаившаяся печаль в глазах, твой побег – это выцветшая синева очей, смытая горячими слезами».

Матушка подошла совсем близко, еще шаг – и можно дотронуться рукой. Так близко, так мучительно далеко. Василиса застыла, чтобы не выдать себя. Толпа колыхалась, выкрикивая пожелания добра и процветания царице. Еще шаг, сравнялась... Сердце замерло в груди – матушка глянула прямо в глаза. Рука против воли метнулась к ней, чтобы ощутить тепло материнских рук. Но ладонь обожгло льдом серебра. Царица прошла мимо, едва взглянув на чумазого оборванца. Василиса мутным от слез взглядом смотрела на серебряную монетку в руке. Серебряная монетка за серебряную ниточку в волосах.

– Вот повезло-то! – завистливо взвизгнул кто-то над ухом. – Царица-то расщедрилась!

Василису толкнули под локоть, но она успела крепко сжать монетку в ладошке и что было сил рванула вглубь толпы, ругая себя за минутную слабость. В тот момент, когда мать взглянула на нее, Василиса позабыла обо всем на свете – об обещании, данном Бабе-яге, об осиротевших без нее коте и избушке, о необходимости вернуться в лес. На миг захотелось,

чтобы матушка узнала, прижала к сердцу и никуда не отпустила. Серебряная монетка, подарок царицы бедняку, отрезвила, как кадка ледяной воды. Ничего уже не изменить. Ни седины в волосах царицы, ни судьбы, которую Василиса выбрала по доброй воле. Узнай ее мать – и случилось бы непоправимое. Страшно даже представить себе, что бы тогда случилось!

Толпа выплюнула ее к одежной лавке, возле которой скучала нарядная торговка. Та встрепенулась, но, увидев чумазого голодранца, мигом потеряла к нему интерес. Голодранец же с перекошенным лицом тарасился в висящее на лотке зеркало и прижимал к сердцу сжатую в кулак ладонь.

– Ишь устался! – насторожилась торговка. – А ну топай отсюда, голь перекатная! Нищий выложил на стол серебряный кругляшок и тонким голосом пропищал:

– Мне рубаху и юбку.

Торговка с недоверием покрутила монету, за которую можно было бы скупить половину ее лавки.

– Для матушки, – торопливо уточнил парень.

Монета исчезла в кармане торговки, женщина одобрительно кивнула:

– Подберу самое лучшее. – И достала из-под лавки самую дешевую рубаху из грубой ткани и ношеную юбку. Все вместе – не дороже медного гроша.

Встреча с матушкой на ярмарке не утолила тоску по родным, еще больше разбередила душу. Выбравшись из толпы, взглянув на свое чумазое лицо в отражении зеркала, Василиса горько усмехнулась. Обман удался – ее не узнала даже мать. Но если раньше Василиса думала взглянуть на матушку на ярмарке и сразу покинуть город, сейчас ей захотелось попасть в терем. Если повезет, полюбоваться на матушку подольше, повидать батюшку и сестер.

План Василисы был безупречным: попасть на царский двор, переодевшись нищенкой-странницей, поглядеть издали на родных. Ее одежда не вызывала ни малейших сомнений – она выменяла ее у настоящей нищенки, отдав за лохмотья одежду, купленную в лавке, и таким образом успокоив свою совесть тем, что милостыня царицы помогла той, кто в этом по-настоящему нуждался. Поморщившись, Василиса быстро пробежалась пальцами по ветхой ткани – нищенка была самой настоящей, лохмотья кишели насекомыми. Простенькое заклинание очистило ткань, но оставило запах – Василиса позаботилась о том, чтобы даже верный Полкан не признал в нищенке, забредшей на царский двор, пропавшую царевну.

Изображать старушку Василисе было не впервой. К сожалению, под рукой не оказалось кудесника-кота, умевшего лепить носы из хлебного мякиша, и устрашающей волчьей челюсти, меняющей лицо до неузнаваемости. Но несколько заклинаний морока решили проблему: глянув в колодец на пути к терему, Василиса осталась довольна. Из отражения в воде на нее смотрела сморщенная старуха с гнилыми зубами и больными глазами. В таком виде не страшно и в тереме появиться!

Однако на царский двор надо было еще попасть. Страж на воротах был неумолим и ни за что не хотел пускать нищую старуху, а когда Василиса проявила настойчивость – едва не отдубасил. От тумачков спасла возвращавшаяся с ярмарки Дуняша. Василиса сперва отпрянула в сторону: молодой и важный страж на воротах не был ей знаком, с Дуняшей же они были неразлучны с детских лет. Но девушка взглянула на нее с жалостью и с брезгливостью, как на шелудивого пса, и Василиса воспрянула духом – приблизилась к служанке, умоляя накормить бедную старуху. Сердобольная Дуняша кивнула, на стража прикрикнула и первой вошла в ворота. Василиса засеменила следом.

А потом Дуняша обернулась и переменялась в лице, закричала, бросилась ей в ноги. Василиса испуганно метнулась к воротам, но те уже захлопнулись, словно дверца птичьей клетки. Все вокруг забегали, двор наполнился криками и рыданиями, ее обступили, на разные голоса повторяли ее имя – с недоверием, с радостью. Не понимая, почему ее морок раз-

веялся, Василиса отчаянно пыталась скрыться, лихорадочно пробуя заклинания. То пыталась сделаться невидимой, то хотела отвести всем глаза, то вспомнила о старом проверенном заклятии сна, которое помогло ей бежать три года назад. А потом дворню как ветром сдуло, и она увидела мать, летящую к ней. У матери снова были крылья, и мокрые от счастья глаза сияли синевой...

Потом были тепло объятий, от сладости которых, казалось, разорвется сердце, жар бани, окутавший тело истомой, дрожащие от волнения пальцы Дуняши, наряжавшие вернувшуюся царевну в новое платье сестры, и нервозность, завладевшая всем теремом. Беспокойно крутился деревянный петушок на крыше терема, когда Василиса возвращалась из бани. Тревожно переглядывалась дворня, провожая царевну взглядом. Вздвигаясь, шептались бояре, гостившие у царя, но не приглашенные к столу, за которым в тот вечер собралась только царская семья.

Батюшка в замешательстве поглаживал бороду. Не скрывая радости по случаю возвращения старшей дочери живой и невредимой, он в то же время с беспокойством ждал рассказа Василисы, от которого зависело ее будущее. Матушка не отрывала затуманенного слезами взгляда, никак не могла наглядеться на дочь, поверить в ее возвращение. Повзрослевшие и расцветшие сестры глядели на старшую с жалостью. Где бы та ни была все это время, ясно одно – замуж ей теперь не выйти, всю жизнь одной куковать, бедняжке. Василиса молчала, мучительно гадая, что ей соврать родным.

– Ну рассказывай, дочка, – нарушил тишину властный голос отца.

Василиса вздохнула – как лгать матушке с батюшкой? Ясно же, чего от нее ждут – рассказа о жизни в замке Кощеевом. Сама она эту кашу заварила, сама Чернослава по ложному следу пустила. Но как теперь в глаза родителям смотреть, как лгать о том, чего не было? Не по сердцу это Василисе, не сможет она...

– И рассказывать-то нечего, – тихо промолвила она. – Сомкнула глаза в своей горнице, открыла – стою посреди двора. Вместо платья на мне лохмотья, дворня взволнованно переговаривается, все на меня указывают. Батюшка, – Василиса подняла глаза на царя, – кто же надо мной так пошутил-то?

Отец горестно сдвинул брови:

– Пошутил?!

Мать схватилась за сердце, запричитала:

– Три весны минуло с тех пор.

Младшая из царевен, Злата, ахнула:

– Так ты ничего не помнишь?

– Три весны? – будто бы замороженная повторила Василиса. – Меня не было три весны?

Они поверили. Да и как не поверить родной дочери? Уж лучше быть в неведении, чем знать страшную правду, к которой они приготовились. Злата усомнилась в словах сестры, но о своих подозрениях помалкивала.

По знаку царицы сноровистые служанки быстро устали стол вкуснейшими яствами: расстегаями с рыбой, пирогами с капустой и мясом, жареными перепелами, курицей с кашей, стерляжкой ухой. Сперва ели молча, потом царица, одолев неловкость, завела речь о событиях, которые пропустила Василиса, за ней подключились к рассказу и батюшка с сестрицами. Разомлев от вкуснейшей еды, от близости родных, Василиса жадно вглядывалась в их лица и вслушивалась в их голоса, складывая в шкатулку памяти и каждое словечко, и отеческую улыбку, и ласку материнского взгляда, и багрянец румянца на щеках сестер. Завтра она унесет их с собой, в лесную глушь, под крышу избушки на курьих ножках. Сегодня что-то пошло не так, она раскрыла себя, и ее волшебство временно не действует. Родные думают, что она вернулась навсегда, но тому не бывать. Уже сегодня ночью или завтра на заре, как только чары снова станут ей подвластны, Василиса исчезнет из царского терема. Уже наве-

гда. Чтобы больше никогда не возвращаться в Златоград, не терзать душу ни себе, ни близким. Чтобы служить людям, чтобы продолжать дело Бабы-яги.

Прежде чем подняться в свою горницу, Василиса крепко, в последний раз, обняла и расцеловала всех родных. Прижалась щекой к жесткой бороде отца. Впитала тепло материнских рук. Вдохнула ромашковый аромат волос любимой сестрицы, Златы.

– Увидимся утром, доченька, – шепнула царица, с неохотой выпуская ее из объятий.

Василиса кивнула, с трудом сдерживая слезы. К утру ее здесь уже не будет. А в волосах матери появятся новые серебряные ниточки, и новые морщинки оплетут родные глаза.

– Спи спокойно, дочка, – пожелал батюшка.

– Спокойной ночи, батюшка, – тихо ответила Василиса.

Батюшка почувствовал ее тоску, еще раз обнял крепко-крепко и успокаивающе, как в детстве, погладил по голове:

– Ничего не бойся. Тебя больше никто не тронет. Терем надежно защищен от любого чародейства.

Василиса покачнулась и ошеломленно подняла глаза. Взгляд батюшки лучился добротой и заботой. Только почему-то Василисе стало нечем дышать.

Весь следующий день она металась по терему пойманным зверем. Все не хотела верить в собственное бессилие, все пыталась превозмочь запретные чары. Царь с царицей по-прежнему не подозревали, что их дочь – чародейка, и даже представить не могли, в какую ловушку ее загнали. Прислуга шепотком переговаривалась, что царевна сама не своя. Кто-то даже предположил, что царевну подменили. Но Дуняша мигом пресекла слухи, сообщив об отличительном знаке Василисы – родинке на плече.

А наутро пришла беда: объявился посланник Чернослава. Узнав о возвращении Василисы, жених собрался посетить царские хоромы. «Приехал бы сам, – объяснял гонец, – да он сейчас на другом конце Лукоморья, с чудом-юдом поганим бьется».

– Вот счастье-то, – ликовала царица.

– Да погоди раньше времени радоваться, – предостерегал от разочарования царь. – Поглядим сперва, что скажет, как Василису встретит.

Василиса отмалчивалась. Больно было наблюдать за приготовлениями родителей к приезду жениха. Видно было, что те уже не чаяли выдать замуж дочь, опозорившую свое доброе имя долгим таинственным отсутствием, и теперь с радостью хватаются за единственный шанс устроить ее судьбу. Три дня до приезда Чернослава царица то привечала купцов, отбирая ткани для платья, то гоняла швей, то утверждала список яств для пира в честь дорогого гостя. Царь пропадал в сокровищнице, вероятно, отбирая богатое приданое, чтобы задобрить жениха. Василиса с горечью наблюдала за этой суетой. У нее не было ни малейших сомнений в том, что Чернослав возьмет ее под венец хоть в простом рубище, хоть без гроша за душой, хоть брюхатую от Кощея. Жениху не было никакого дела до ее красоты, богатства и девичьей чести. Он желал взять ее в жены по другой причине, неведомой батюшке с матушкой.

Чернослав знал ее сокровенную тайну. Знал – и не испугался, не отвернулся, даже, наоборот, оживился, раздумялся! А Василиса тогда совершила страшную, непоправимую ошибку... Если в начале вечера, когда Чернослав явился в царский терем на смотрины, он лишь с оценивающим видом знатока разглядывал красоту Василисы, не вмешиваясь в разговоры сватов, и вел себя довольно равнодушно, то стоило ей прибегнуть к своей обычной шалости, призванной отпугнуть нежеланного жениха, как все изменилось. Как и все женихи до него, Чернослав переменялся в лице, когда на его глазах у царевны выросли ослиные уши, а аккуратный носик превратился в свинячий пяточок. Василиса уже мысленно потирала руки: морок, наведенный на жениха, был невидим другим. Это был ее любимый трюк.

Опасаясь немилости царя, ни один из женихов не осмеливался сказать вслух о царевнином пяточке. А царь только в недоумении разводил руками, глядя, как очередной жених, только что заявлявший о своей любви и желании немедленно жениться на царевне, под разными нелепыми предложениями улепetyвает прочь из хором. Сваты, тоже недоумевая, рассыпались в извинениях и припускали следом за сбежавшим женихом. Не вернулся еще ни один. Вот и на этот раз Василиса рассчитывала повеселиться и уже гадала, какую причину для бегства придумает Чернослав и проявит ли в этом смекалку, но Чернослав ее удивил. Он подался вперед, и его черные глаза сверкнули неприкрытым восхищением. «Не видит он, что ли?» – изумилась Василиса и для верности отрастила себе рога. Чернослав с видимым интересом проследил за ветвистыми оленьими рогами, которые поднялись до самого потолка и уперлись в расписной свод. А когда опустил голову и встретился глазами с Василисой, та вздрогнула. В глазах жениха костром полыхало торжество. «Он все понял, он этому рад, он не отступится!» – похолодев, поняла Василиса. Что же она натворила!

О свадьбе сговорились быстро. Отчаявшись выдать дочь замуж, царь с радостью одобрил знатного жениха, знаменитого на все Лукоморье своими подвигами. А настойчивость Чернослава и его желание поскорее сыграть свадьбу убедили царя в искренности чувств жениха. Внезапную несговорчивость Василисы посчитали за блажь. Царица развернула бурную деятельность по подготовке приданого, царь озаботился пиром. Василисе не оставалось ничего другого, как бежать. Тогда ей это удалось. Сейчас, три года спустя, скрыться некуда: чары не действуют, терем хорошо охраняется, за ворота ее не выпустят.

На помощь Дуняши особенно рассчитывать не приходится. Но хоть покуражиться над женишком! Василиса помнила, как перепугалась, наткнувшись в темном дворе на белолицее привидение с кроваво-красными губами и с черными бровями домиком. А потом до колик хохотала, разобравшись, что к чему, и пугая Дуняшу взрывами хохота. Добрая Дуняша постаралась от души, снаряжая подругу на смотрины. Ни белил для лица не пожалела, ни печной сажи для бровей, ни свеклы для губ. Теперь Василиса добровольно подставила свое лицо в надежде, что Дуняша изукрасит ее до неузнаваемости. Вряд ли ее вид заставит Чернослава позабыть о свадьбе и навсегда исчезнуть с ее пути, но хоть досадить постылому – и то отрада.

– Готово! – Дуняша тщательно подвела угольком глаза и отняла руку, глядя на лицо Василисы с видом художника, только что завершившего роспись царских палат. Потом обтерла вымазанные пальцы передником и поднесла Василисе зеркальце.

Василиса в первый момент оторопела: показалось, зеркальце волшебное, и с той стороны на нее таращится болотная кикимора. Брови – что коромысла, глаза – как пятаки. На мертвенно-белом лице выделяются красные раковины губ. Василиса уже хотела отослать служанку, затихшую в ожидании похвалы или немилости, чтобы пошептаться с кикиморой наедине, как вдруг повернула зеркальце и увидела на голове чудовища знакомый кокошник.

– Ай да Дуняша! – не скрывая восхищения, воскликнула Василиса. – Ай да искусница!

Дуняша зарделась от похвалы и выскользнула из горницы разузнать, прибыл ли долгожданный жених.

А Василиса, когда за служанкой закрылась дверь, с лукавой улыбкой поднесла к глазам кулачок да как следует потерла. Затем взглянула в зеркальце: так-то еще краше будет!

Часть вторая

БАБА-ЯГА НА ИСПЫТАТЕЛЬНОМ СРОКЕ

Список ингредиентов для отвара, которого жаждали душа и тело Илюши, был внушительным. Тут были и кора дуба, и его корни с желудями, и еловая шишка, и ржаной колосок, и свежий гриб, самый большой, какой только отыщется. И все это нужно было сварить в воде из русалочьего озера, собранной непременно в том месте, куда в полнолуние падал лунный свет.

– Вода у нас есть, – успокоил меня кот. – И ржаной колосок я где-то в сундуке видел, надо только поискать. А вот за остальным надо в лес отправляться. Если чего не сыщешь, кликни Лешего, он подскажет. Все, иди. Нет, стой! – Кот метнулся к столу и вернулся, держа в зубах золотой перстень Ива. – Надень-ка. Иван просил тебе передать.

Я покрутила золотой ободок, и перстень мигнул мне рубиновым глазком. Ив носил перстень, не снимая, с того самого дня, когда я впервые его увидела. Похоже, это какая-то семейная реликвия, которая дорога ему как память. И я оценила романтический жест рыцаря.

– Что ж сам-то не передал? – проворчала я, надевая кольцо на палец. Ободок тут же уменьшился до нужного размера. А я и не знала, что кольцо Ива волшебное. Что ж, надеюсь, это какой-нибудь мощный оберег, призванный охранять меня на время отсутствия рыцаря.

– Милые бранятся – только тешатся, – проворчал кот. – А теперь не медли.

Он вручил мне корзинку и выставил за порог. Тихонько напевая песенку Красной Шапочки, я зашагала через полянку к соснам, к той дорожке, которая не так давно увела Ива. Ступила под сень деревьев, сделала несколько шагов и замерла: слова песни застыли на губах, ноги топтались на месте, словно отказываясь идти дальше, а сердце сжалось в недобром предчувствии.

Что-то изменилось. От вчерашнего спокойствия и умиротворенности леса не осталось и следа. Сосны стояли ошестинившись иголками, словно в ожидании битвы с врагом. Вчера иголки стелились под пальцы мягким ворсом, сейчас же, стоило протянуть руку, впились под ногти. Вскрикнув, я отдернула руку, слизнула капельку крови и испуганно посмотрела вперед, туда, куда утром ушел Ив. Не случилось ли с ним чего? Потом малодушно обернулась в сторону залитой солнцем полянки, на которой как ни в чем не бывало стояла избушка, переминаясь с ноги на ногу и подставляя солнышку то один, то другой бревенчатый бок. Захотелось немедленно вернуться туда, где в воздухе не чувствуется разлитой угрозы, плотной, как кисель, где звучат голоса кота и избушки, и нет этой тревожной, леденящей душу тишины.

Я уже попятилась было назад, как представила насмешливый голос кота, вспомнила готового на все Илью, вчера чуть не снесшего избу с ног. Будь он неладен со своим отварчиком! Я быстро оглянулась в поисках необходимых компонентов – тщетно! Избушка стояла окруженная сосновой рощей. Чтобы найти дубы и ели, надо было порядком углубиться в лес.

Решившись, я зашагала по тропинке меж настороженно замерших сосен и, отчаянно бодрясь, во весь голос затянула песенку Красной Шапочки. Однако как я ни храбрилась, с каждым шагом становилось все больше не по себе. Взгляд отмечал безжизненно замершие деревья, опустевшие ветви, на которых не было видно ни птички, ни белки. Лишь где-то вдалеке раскаркалась ворона, да методично стучал по дереву дятел, будто вколачивая гвозди в крышку гроба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.